Легендо

Автор:
Стефани Гарбер

Легендо

Стефани Гарбер

Young Adult. Мировой бестселлер. КаравальКараваль #2

Сердце, что вот-вот разобьется.

Долг, что нужно вернуть.

Игра, в которой нельзя проиграть.

Попав в волшебный мир Караваля, Донателла наконец смогла оставить жестокого отца и избавить свою сестру Скарлетт от нежеланного жениха. Казалось бы, все встало на свои места. Но Телла по-прежнему в ловушке: девушка связана роковым соглашением. Таинственный незнакомец требует добыть для него то, что никому еще не удавалось выяснить: настоящее имя магистра Легендо. Единственный способ сделать это – выиграть в Каравале, игре, меняющей судьбу. Телла еще не знает, что встала на опасный путь, где ее ждет бесконечная паутина новых секретов… Ведь Караваль всегда требовал от участников смелости, хитрости и жертв. Но теперь и этого мало. Если девушке не удастся раздобыть имя магистра, она потеряет все, даже свою жизнь. Но если она раскроет тайну, что станет с Каравалем и самим Легендо?

И вновь добро пожаловать в КАРАВАЛЬ! Игра только началась…

Стефани Гарбер

Легендо

Stephanie Garber

Legendary

© 2018 by Stephanie Garber

© Димчева Т., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Мэттью – спасибо за мыльный камень – и Эллисон, открывшей мне глаза на то, что Дэшил – неподходящее имя. Вы – удивительные брат и сестра!

Семь лет назад

Маленькой Телле казалось, что в некоторых комнатах имения под кроватями прячутся чудовища, а в покоях ее мамы сокрыто волшебство. В воздухе сверкали отблески изумрудного света, как будто феи слетались сюда поиграть всякий раз, стоило хозяйке выйти за порог. В комнате пахло цветами, сорванными в тайных садах, и даже когда не было ни дуновения ветерка, прозрачные занавески на роскошной кровати с балдахином слегка покачивались. Цитриновая люстра на потолке всегда приветствовала Теллу музыкальным перезвоном хрустальных подвесок, утверждая во мнении, что в маминой комнате спрятана дверка в

сказочный мир.

Бесшумно ступая своими крошечными ножками, Телла на цыпочках прокралась по толстому ковру цвета слоновой кости к комоду и, торопливо оглянувшись через плечо, схватила шкатулку с маминими драгоценностями. Тяжелая и гладкая, эта изящная вещица была сделана из перламутра и покрыта паутинкой золотой филиграни; Телле нравилось думать, что она тоже зачарована, потому что на ее поверхности никогда не оставалось отпечатков пальцев, даже от прикосновения грязных рук.

Мать девочек не возражала против того, чтобы дочери наряжались в ее платья и примеряли модные туфельки, а вот шкатулку трогать запрещала, что лишь раззадоривало Теллу.

Скарлетт могла целыми днями предаваться мечтам о странствующих представлениях вроде Караваля, а Телле нравились настоящие приключения. Сегодня она вообразила, что злая королева держит в плену молодого эльфийского принца, и, чтобы спасти его, ей нужно украсть мамин перстень с опалом. Это украшение Телла особо выделяла из числа прочих. Молочно-белый камень был необработанным и шершавым и имел форму звезды с острыми лучами, коловшими пальцы. Но когда Телла подносила опал к свету, камень начинал сиять, рассыпая по комнате переливающиеся искорки вишневого, золотого и лавандового цвета, которые в ее воображении были связаны с магическими проклятиями и пыльцой мятежных фей.

Хотя медный ободок был слишком велик для ее крошечного пальчика, каждый раз открывая шкатулку, она обязательно примеряла перстень на случай, если успела незаметно для самой себя вырасти. Однако сегодня, снова надевая украшение, Телла увидела кое-что еще.

Люстра над ней замерла, как будто и ее тоже застали врасплох.

Девочка знала наперечет каждую вещицу в шкатулке с драгоценностями: аккуратно сложенную бархатную ленту, окаймленную золотом, кроваво-алые серьги, потускневшую серебряную бутылочку (в ней, по словам мамы, хранились слезы ангела), медальон из слоновой кости, который не открывался, и браслет из гагата, куда уместнее смотревшийся бы на руке старой ведьмы, чем на изящном материнском запястье.

Единственным, к чему Телла никогда не прикасалась, был грязно-серый тканевый мешочек, пахнущий заплесневелыми листьями и сладковатой кладбищенской гнилью. «Он отпугивает гоблинов», однажды с усмешкой сказала мама. Теллу он тоже держал на расстоянии.

Сегодня от уродливого маленького кисета исходило манящее мерцание. Мгновение назад он выглядел как сгусток гнили и жутко смердел, но стоило разок моргнуть, и на его месте оказалась сверкающая колода карт, перевязанная тонкой атласной лентой. Еще одно быстрое движение век – и снова перед ней мерзкий мешочек, который тут же опять превращался в карты.

Позабыв про затеянную игру, Телла поспешно потянула за шелковый шнур и вытащила колоду из коробки. Оказавшись в ее руках, карты перестали менять форму. Ах, какими же они были красивыми! Рубашка темного оттенка паслена, почти черного, с крошечными золотистыми крапинками, которые сверкали на свету, и тиснеными бордово-фиолетовыми завитушками, навевающими мысли о влажных цветах, крови ведьм и магии.

Эта колода ничем не походила на тонкие черно-белые картонки, с помощью которых отцовские стражники учили ее играть в азартные игры. Телла опустилась на ковер. Пальцы покалывало от предвкушения, когда она ловко развязала ленту и перевернула первую карту. Изображенная на ней молодая женщина выглядела как плененная принцесса. Ее прелестное белое платье было изодрано в клочья, а миндалевидные глаза прекрасны, точно полированное морское стекло, но так печальны, что больно смотреть. Скорее всего, потому, что ее голову венчало причудливое украшение из жемчуга наподобие клетки.

Внизу на карте имелась надпись: «Дева Смерти».

Телла содрогнулась. Эти слова ей совсем не понравились, да и клетки были ненавистны – даже жемчужные. «Мама была бы недовольна, что я разглядываю ее карты», мелькнула у нее мысль, но все же она перевернула еще одну.

Эта носила название «Принц Сердец». На ней был изображен молодой человек с угловатым лицом и губами, напоминающими два лезвия ножа. Одной рукой, поднятой к заостренному подбородку, он сжимал рукоять кинжала, и из его глаз струились красные слезы, под стать крови, запятнавшей уголок узкого рта.

Телла вздрогнула, когда изображение принца замерцало и исчезло, будто его и не было – так же как прежде изменился смердящий мешочек.

Тут бы ей остановиться, ведь эти карты определенно не предназначались для детских забав, но в глубине души она ощущала к ним непреодолимое влечение. Колода определенно была более реальной, чем созданные ее воображением злая королева и эльфийский принц, и Телла осмелилась подумать, что, возможно, они приведут ее к настоящему приключению.

Следующая карта оказалась особенно теплой на ощупь, когда девочка ее перевернула.

«Аракл».

Она не знала, что означает это странное слово, но, в отличие от прочих, это изображение не казалось жестоким. Края карты были украшены витиеватыми завитками расплавленного золота, а центр мерцал серебром, точно зеркало – да это зеркало и было. В сияющей серединке отражались светло-медовые кудри Теллы и ее круглые ореховые глаза. Присмотревшись повнимательнее, она поняла, что картинка искажает действительность. Розовые губки той, другой Теллы дрожали, по щекам текли крупные слезы.

В реальности она никогда не плакала. Даже когда отец припечатывал крепким словцом или Фелипе намеренно не замечал, предпочитая ей общество ее старшей сестры.

– Так и думала, что найду тебя здесь, моя милая, – мягко заметила мама, входя в комнату. – Каким приключениям ты предаешься сегодня?

Она склонилась к сидящей на ковре дочери, и ее волосы изящными волнами упали на умное лицо. Они были такого же темно-каштанового цвета, как у Скарлетт, а Телла унаследовала смуглый оттенок кожи, сияющей, словно ее поцеловали звезды. В эту самую секунду мама побледнела, как лунный камень, заметив в руках дочери карты с перевернутыми изображениями Девы Смерти и Принца Сердец.

– Где ты это взяла?

Мама по-прежнему говорила нежным голосом, однако поспешно выхватила у Теллы карты, и девочка тут же решила, будто совершила некий ужасный проступок. Она и прежде частенько вела себя не так, как следовало, но обычно мама не возражала, а лишь терпеливо поправляла дочь и иногда даже учила, как улизнуть безнаказанной. Это отец быстро выходил из себя, а мама, подобно легкому дуновению ветерка, гасила его злобные искры, прежде чем они успевали вспыхнуть пламенем. Теперь же у мамы сделался такой вид, словно она хотела развести огонь, пустив карты на растопку.

– Я нашла их в твоей шкатулке с драгоценностями, – призналась Телла. – Прости. Не знала, что они плохие.

– Все в порядке. – Мама провела рукой по кудрям Теллы. – Я вовсе не хотела тебя испугать. Но даже мне не нравится к ним прикасаться.

– Тогда зачем ты их хранишь?

Мама проворно сунула колоду в складки своего платья, а потом поставила шкатулку на высокую полку у кровати, чтобы Телла точно не смогла ее достать.

Девочка боялась, что на том разговор и завершится – как, несомненно, случилось бы, будь сейчас на месте мамы отец. Но Палома не любила оставлять вопросы дочерей без ответа. Надежно спрятав шкатулку, она улеглась на ковер рядом с Теллой.

– Лучше бы я никогда не находила эти карты, – прошептала она, – но все же расскажу тебе о них, если поклянешься больше не прикасаться к этой или любой другой подобной колоде.

– Ты же сама запретила нам со Скарлетт попусту разбрасываться клятвами!

– Эта клятва особенная. – Мама улыбнулась уголками губ, будто собираясь открыть Телле важный секрет. Так было всегда: когда Палома решала сосредоточить свое искрящееся внимание на младшей дочери, та неизменно чувствовала себя звездой, вокруг которой вращается целый мир. – Помнишь, что я не раз говорила тебе о будущем?

– Каждому человеку по силам создать свое собственное будущее, – тут же отозвалась Телла.

– Правильно, – согласилась мама. – Твое будущее может быть таким, каким только пожелаешь. Все мы наделены властью выбрать свою судьбу. Но, моя милая, играя этими картами, ты даешь Мойрам – изображенным на них богам и богиням Судьбы – возможность изменить свой жизненный путь. Люди используют Колоды Судьбы, похожие на ту, которую ты только что держала в руках, чтобы предсказать будущее, и как только оно предсказано, то становится живым существом, которое будет очень упорно бороться за свое воплощение. Вот почему я прошу, чтобы ты никогда больше и пальцем не трогала этих карт. Понимаешь меня?

Телла кивнула, хотя на самом деле не понимала, поскольку все еще пребывала в том нежном возрасте, когда будущее казалось слишком далеким и нереальным. Однако от ее внимания не ускользнуло, что мама так и не сказала, откуда у нее взялась эта колода. Поэтому она еще крепче сжала в пальцах одну оставшуюся карту.

В спешке собирая колоду, Палома не заметила, что Телла присвоила себе Аракла – третью перевернутую ею карту – незаметно припрятав его под скрещенными ногами.

– Клянусь никогда больше не прикасаться к такой колоде, – торжественно пообещала девочка.

Исла-де-лос-Суэньос

Глава 1

Ощущение легкости и полета покинуло Теллу.

Распростертая на влажной земле, она больше не чувствовала ничего общего с тем ярким, искрящимся жизнью существом, которым была накануне. Вчера вечером частный остров Легендо лучился янтарным светом, дышал очарованием и обещанием чудес с тонкой примесью обмана. Восхитительное сочетание, которым Телла бесконечно наслаждалась. Во время празднества по случаю окончания Караваля она до упаду кружилась в танце, пачкая туфли травой, и кубок за кубком потягивала игристое вино, пока совсем не захмелела.

Теперь она лежала лицом вниз на твердой холодной лесной подстилке.

Не спеша открывать глаза, она со стоном принялась вытряхивать из волос растительный мусор, сожалея, что нельзя с такой же легкостью избавиться от прочих последствий вчерашнего торжества. Воздух пах несвежим спиртным, сосновыми иголками и… ошибками. Ее покрытая мурашками кожа зудела, а занемевшая шея и ноющая спина напоминали о себе не менее громко, чем кружащаяся голова. Отчего же прежде идея заснуть прямо под открытым небом казалась такой манящей?

– Хррр! – раздался где-то поблизости возглас не вполне довольного человека, балансирующего на грани пробуждения.

Телла приоткрыла глаза, быстро стрельнула взглядом в ту сторону и тут же снова смежила веки. Грешные святые! Да она здесь не одна! Среди высоких деревьев и дикой зелени лесной подстилки она различила темную шевелюру, бронзовую кожу, запястье со шрамом и мужскую руку с татуировкой в виде черной розы. Данте.

Ее тут же затопило волной размытых воспоминаний. Уверенные ладони Данте, обхватившие ее за бедра. То, как он покрывал поцелуями ее шею и подбородок, прежде чем их губы слились воедино.

О чем, черт возьми, она только думала?

Конечно, Телла отлично знала, в каком направлении текли ее мысли прошлой ночью на празднике в честь окончания Караваля, который магистр Легендо традиционно устраивал для своих артистов. Она ощущала на языке вкус волшебства и звездного сияния, исполненных желаний и сбывшихся мечтаний, но также и горечь смерти. Сколько бы шампанского она ни выпила, и каким бы

разгоряченным от танцев ни был воздух, Телла по-прежнему содрогалась от леденящего воспоминания о собственной кончине.

Спрыгнув с балкона Легендо, она совершила акт не отчаяния, но веры. Однако прошлой ночью думать об этом совершенно не хотелось – как и о том, почему это имело значение. Она стремилась отпраздновать свой успех, позабыв обо всем остальном. И Данте, как ей казалось, мог в этом помочь. Не обделенный привлекательной внешностью, он умел быть очаровательным, если хотел, а, по мнению Теллы, с тех пор, как ее в последний раз целовали по-настоящему, минуло слишком много времени. И, святые угодники, по части поцелуев Данте оказался настоящим мастером!

Он снова застонал и потянулся, положив свою крупную ладонь – такую теплую и твердую – ей на поясницу. Жест оказался невероятно соблазнительным. Телла решила сбежать потихоньку, пока он окончательно не проснулся, но даже во сне Данте ловко управлялся со своими руками. Он неспешно провел пальцами вверх по ее позвоночнику и шее, лениво зарылся в волосы ровно настолько, чтобы заставить ее спину выгнуться дугой.

Внезапно его пальцы замерли, а дыхание выровнялось, и Телла поняла, что теперь и он стряхнул с себя оковы сна. Едва сдерживая готовое сорваться с языка проклятие, она поспешно вскочила с земли, стремясь убраться подальше от его неподвижных теперь, но по-прежнему умелых пальцев. Ей было все равно, увидит ли он, как она ускользает потихоньку; в любом случае это было бы гораздо менее неудобно, чем обмен вынужденными любезностями, прежде чем один из них наберется смелости и начнет оправдываться, придумывая причину поспешного ухода. Телла миловалась с достаточным количеством молодых людей, чтобы знать, что нельзя верить тому, что они говорят как перед, так и после поцелуя. Сейчас же ей действительно нужно было уйти.

Хоть ее воспоминания и были размытыми, все же ей никак не удавалось забыть о письме, полученном перед тем, как они с Данте уединились в лесу. Незнакомец, чье лицо было скрыто под покровом ночи, сунул ей в карман записку и исчез, прежде чем она успела его догнать. Ей захотелось сразу же перечитать послание, но, учитывая, чем она обязана отправившему его другу, решила этого не делать. Прежде нужно вернуться в свою комнату.

Осторожно отступая, Телла ощущала забивающиеся между пальцами босых ног острые хвоинки вперемежку с влажной землей. Похоже, туфельки она где-то

потеряла, но тратить время на их поиски совершенно не хотелось. Лес был залит расслабляющим медвяным светом, и, слыша то раскатистый храп, то бормотание, Телла сообразила, что они с Данте не единственные прикорнули под звездным небом. Ей было все равно, увидит ли кто-нибудь, как она крадется прочь от своего красавчика-кавалера, но не хотелось, чтобы об этом стало известно ее сестре, потому что во время Караваля он повел себя с ней отвратительно.

Поскольку Данте работал на Легендо, все его поступки были притворством, но, хоть игра и закончилась, отделить факты от вымысла все еще непросто. Кроме того, Телла не желала ранить чувства сестры, решив поразвлечься с парнем, который жестоко с ней обращался.

К счастью, окружающий мир еще не проснулся, когда Телла добралась до опушки леса, а затем и до особняка Легендо с башенками. Даже сейчас, когда Караваль официально завершился, и все светильники и фонари погасли, строение по-прежнему лучилось манящим тлеющим светом, напоминая Телле о трюках, которые только предстоит исполнить.

До вчерашнего дня имение заключало в себе весь мир Караваля. Через величественные деревянные двери посетители попадали на элегантные балконы, задрапированные роскошными красными занавесами. Эти балконы кольцом окружали раскинувшийся внизу город, состоящий из каналов, наделенных собственным разумом улиц и удивительных торговых лавок, полных волшебных удовольствий. Однако даже за короткое время, прошедшее с тех пор, как игра закончилась, особняк с башенками уменьшился в размерах, и эфемерная страна чудес, скрытая в его стенах, исчезла, оставив лишь привычную для любого жилого дома внутреннюю обстановку.

Телла взбежала вверх по ближайшей лестнице. Ее комната находилась на втором этаже и безошибочно узнавалась по аркообразной двери нежно-голубого цвета. На пороге обнаружились Скарлетт с Хулианом, стоящие в обнимку и явно не желающие расставаться.

Телла была рада, что старшая сестра наконец-то обрела счастье, которое заслуживала более всех прочих жителей империи. Оставалось надеяться, что оно продлится очень долго. По слухам, Хулиан не был коварным соблазнителем девушек и никогда не заводил отношений после окончания Караваля. Согласно первоначальному сценарию, доставив Скарлетт на частный остров Легендо, он

должен был сразу выбыть из игры. Однако его репутация отъявленного лжеца была всем известна, поэтому Телле трудно ему доверять. Все же, глядя на стоящих в обнимку Скарлетт с Хулианом, она не могла не отметить, что они удивительно похожи на две половинки одного сердца.

Влюбленные продолжали неотрывно смотреть друг на друга, пока Телла на цыпочках кралась мимо них к своей комнате.

– Это значит «да»? – пробормотал Хулиан.

– Мне нужно прежде поговорить со своей сестрой, – ответила Скарлетт.

Телла остановилась перед дверью. Она готова была поклясться, что письмо у нее в кармане внезапно потяжелело, словно ему не терпелось быть прочитанным снова. Но если Хулиан только что предложил Скарлетт то, на что надеялась Телла, ей просто необходимо поучаствовать в их разговоре.

– О чем ты хочешь со мной поговорить? – громко спросила она.

Скарлетт отстранилась от Хулиана, но он, явно не готовый ее отпустить, продолжал обнимать за талию, теребя красные ленты платья.

– Я спросил твою сестру, согласны ли вы обе поехать с нами в Валенду на празднование семидесяти пятилетия императрицы Элантины. Там состоится еще один Караваль, на который у меня есть два пригласительных билета, – подмигнул Хулиан.

Телла одарила Скарлетт улыбкой. Да, именно на это она и рассчитывала, хотя до сих пор с трудом верилось, что дошедшие до нее на прошлой неделе слухи оказались правдивыми. Караваль имел место лишь раз в году, и не было второго такого случая, чтобы две игры игрались одна за другой со столь маленьким интервалом между ними. Оставалось предположить, что ради императрицы даже Легендо сделал исключение.

Телла продолжала с надеждой смотреть на сестру.

– Удивительно, что ты вообще об этом спрашиваешь!

– Просто я считала, что тебе не нравится День Элантины, поскольку он всегда затмевал твой собственный день рождения.

Телла покачала головой, тщательно обдумывая ответ. Истинные причины, по которым она хотела поехать, имели мало общего с Днем Элантины, хотя отчасти сестра была права. Все то время, пока Элантина правила Меридианной империей, ее день рождения был государственным праздником, сопровождающимся целой неделей торжеств и танцев, а также нарушенных законов и обойденных правил. На родном для сестер острове Трисда этот праздник отмечался всего один день, тридцать шестого числа Сезона Произрастания, но все равно ухитрялся затмить день рождения Теллы, который, к несчастью, приходился на тридцать седьмое число.

– Валенду определенно стоит посетить, – сказала Телла. – Когда мы отплываем?

– Через три дня, – ответил Хулиан.

Скарлетт поджала губы.

– Телла, сначала нам нужно все как следует обсудить.

– Мне казалось, ты всегда хотела поехать в столицу, увидеть ее древние руины и парящие в небе экипажи. Нынешнее торжество определенно станет праздником века! О чем тут говорить?

– Ты забываешь о графе.

Загорелая кожа Хулиана тут же посерела. Да и Телле бы следовало проявить больше чувства.

– Он ведь живет в Валенде, и мы не можем позволить ему тебя увидеть, – напомнила Скарлетт, которая всегда была чрезмерно заботливой сестрой.

На сей раз Телла едва ли могла упрекнуть ее в излишней осторожности.

Граф Николя д’Арси – бывший жених Скарлетт, за которого ее сосватал отец. До Караваля Скарлетт не была знакома с ним лично, но только посредством

переписки, однако не сомневалась, что влюблена в него. Также она думала, что граф защитит и ее, и Теллу от тирана-отца, пока не встретила его во время Караваля и не раскрыла подлую сторону его натуры.

Скарлетт недаром тревожилась о графе. Узнай он, что Телла жива, мог бы сообщить об этом отцу девушек, который считал младшую дочь мертвой, и тем самым разрушил бы все планы.

Однако отказ Теллы ехать с Легендо и его исполнителями в столицу империи Валенду также делу бы не помог. Хоть у нее и не было возможности перечитать письмо от своего друга, она точно знала, чего он хочет, и никогда не сумела бы это для него добыть, если бы разлучилась с магистром и его труппой.

Во время Караваля Телла и сама не была до конца уверена, кто работает на Легендо. Однако раз им нужно плыть в Валенду, все сядут на одно судно – возможно, и сам великий магистр тоже! – что даст ей возможность, наконец, получить то, что требовалось ее другу.

– Граф так занят собственной персоной, что, вероятно, не узнал бы меня, даже если бы я подскочила к нему и залепила пощечину, – сказала Телла. – Он видел меня всего мгновение, к тому же, тогда я выглядела не лучшим образом.

– Телла…

– Знаю-знаю, ты хочешь, чтобы я вела себя серьезно, – поспешно перебила она сестру. – И я вовсе тебя не поддразниваю. Наоборот, полностью осознаю опасность, но не думаю, что нам следует ее бояться. С тем же успехом мы могли бы погибнуть в кораблекрушении, но если позволим страху встать у себя на пути, то никогда не выберемся с этого острова.

Скарлетт поморщилась и повернулась к Хулиану.

– Оставь меня, пожалуйста, ненадолго наедине с сестрой.

Хулиан что-то прошептал на ухо Скарлетт, так тихо, что Телла не разобрала ни слова. Зато увидела, как старшая сестра покраснела. Затем он ушел, и Скарлетт, поджав губы, уединилась с Теллой в ее комнате.

Повсюду были разбросаны самые разные, не поддающиеся описанию предметы одежды. Чулки выглядывали из ящиков комода, увенчанного шляпками, в то время как накидки, платья и нижние юбки образовывали дорожку, ведущую к кровати, на которой возвышалась шаткая груда мехов, выигранных Теллой в карты.

Телла знала, что Скарлетт считает ее ленивой, не желающей убираться. Но у Теллы имелась на этот счет собственная теория: аккуратные комнаты легко обыскивать, оставаясь незамеченным, потому что вещи так и будут лежать на тех местах, где изначально находились. А вот воссоздать беспорядок в его первозданном виде едва ли у кого-то получится. Окинув свои покои быстрым взглядом, она убедилась, что никто не осмелился и пальцем тронуть ее кавардак. Вещи по-прежнему валялись где попало, хотя, похоже, появилась вторая кровать – хотелось бы Телле сказать, что она волшебным образом возникла из воздуха, но нет, скорее всего, служащие принесли ее сюда специально для Скарлетт.

Телла не знала, как долго им разрешат оставаться на острове. Она испытала облегчение, что их не выгнали сразу же, хотя в таком случае, возможно, Скарлетт с большим желанием поехала бы в Валенду. На самом деле Телла не хотела, чтобы ее сестру к чему-то принуждали; она надеялась, что Скарлетт сама примет решение, хоть и не могла понять ее нежелания. Во время последней игры Телла умерла. Таков был ее выбор, поскольку на то имелась веская причина. Но умирать еще раз она определенно не планировала. Для Теллы смерть оказалась не менее ужасной, чем для очевидицы-Скарлетт, а ведь еще столь многое нужно сделать!

– Скар, я знаю, ты думаешь, что я веду себя несерьезно, но, как по мне, нам следует предпочесть серьезности счастье. Я не предлагаю тебе снова принимать участие в Каравале, но считаю, что стоит, по крайней мере, поехать в Валенду с Хулианом и остальными. В чем смысл благословенной свободы, если мы не станем ею наслаждаться и продолжим жить так, будто все еще находимся в отцовской западне и страшимся его тяжелых кулаков?

– Ты права.

Телла ушам своим не поверила.

– Ты правда только что сказала, что я права?

Скарлетт согласно кивнула.

– Мне надоело все время бояться. – В ее голосе по-прежнему слышалась нервозность, однако она решительно вздернула подбородок. – Снова играть я бы не стала, но хочу поехать в Валенду с Хулианом. Не желаю сидеть на этом острове, точно в ловушке, подобно тому, как прежде отец держал нас взаперти на Трисде.

Телла ощутила прилив гордости. Живя дома, Скарлетт пестовала свой страх, как будто он был способен обезопасить ее, но Телла видела, как сестра борется, чтобы избавиться от него. За время Караваля она действительно изменилась.

– Ты была права вчера вечером, посоветовав мне дать Хулиану еще один шанс. Я рада, что пошла на праздник, и знаю, что пожалею, если мы откажемся от поездки в Валенду. Но, – тут же добавила Скарлетт, – ты должна пообещать, что будешь осторожна. Я не могу потерять тебя снова.

– Не волнуйся. Клянусь! – Телла торжественно взяла сестру за руки и сжала их. – Мне слишком нравится собственная свобода, чтобы отказаться от нее. Обещаю, что, пока мы будем в столице, я стану носить невероятно яркие платья, так что меня будет невозможно потерять в толпе!

Губы Скарлетт изогнулись в улыбке. Телла видела, что сестра пытается сдержать смех, но у нее не получилось. Счастье сделало Скарлетт еще красивее.

Телла улыбалась и хихикала вместе с ней, словно у нее нет никаких забот. И все же не стоило забывать о лежащем в кармане платья письме, напоминавшем о долге, который нужно выплатить, и о матери, которую необходимо спасти.

Глава 2

Со времени исчезновения Паломы, матери Теллы и Скарлетт, минуло семь лет.

Примерно через год после этого события в жизни Теллы начался период, когда она предпочитала считать маму мертвой. Если бы та была жива, рассуждала Телла, значит, сознательно решила не возвращаться к своим дочерям, а это означало, что она их по-настоящему не любит. Но если Палома умерла, то, уехав, возможно, собиралась вернуться, но что-то ей помешало. Следовательно, смерть доказывала ее любовь к Скарлетт и Телле.

Поэтому в течение многих лет Телла цеплялась за надежду, что ее мама перешла в мир иной, поскольку, как бы ни старалась, не могла перестать ее любить, и ей было слишком больно представлять, что мама не любит ее в ответ.

Телла вытащила полученное от своего друга письмо. Скарлетт ушла, чтобы передать Хулиану их согласие отправиться с ним в Валенду. Телла не знала, как долго ее не будет, поэтому читать пришлось второпях:

Дорогая Донателла!

Позвольте поздравить Вас с избавлением от власти отца и с успешным завершением Караваля. Бесконечно рад, что наша затея оказалась удачной, хотя, честно признаться, у меня не возникало сомнений в том, что Вам удастся выжить.

Уверен, что матушка будет Вами гордиться.

Полагаю, скоро Вы с ней встретитесь.

Но прежде Вам надлежит исполнить свою часть нашего соглашения. Надеюсь, Вы не запамятовали, что должны мне в обмен за все то, что я Вам сообщил.

Положенную мне плату я заберу совсем скоро.

Преданный Вам друг

У Теллы снова заболела голова, но на этот раз не из-за алкогольных излишеств, которые она себе позволила накануне вечером. Она не могла избавиться от

ощущения, что в письме чего-то не хватает и готова была поклясться, что в нем было что-то еще, когда она впервые прочла его на празднике сразу после получения.

Телла изучила послание в лучах льющегося в окна маслянистого света, но не обнаружила никаких скрытых строк. И написанные слова оставались неизменными, пока она на них смотрела. Письма ее друга, в отличие от тех, что были получены от магистра Легендо, не содержали никаких магических трюков, хотя она частенько надеялась на обратное. Возможно, тогда она сумела бы определить, кто за ними скрывается.

Впервые она обратилась к нему больше года назад с просьбой помочь им с сестрой сбежать от отца, но при этом до сих пор понятия не имела, кто ее таинственный друг. Какое-то время она задавалась вопросом, уж не переписывается ли в самом деле с самим Легендо. Однако ее друг и магистр не могли быть одним и тем же человеком – в этом Телла убедилась, прочтя строки с требованием платы.

Но прежде чем отдать, ей самой нужно раздобыть то, что у нее просят. Теперь, когда они со Скарлетт собирались плыть в Валенду вместе с артистами Караваля, Телла была уверена, что сумеет это сделать. Иначе и быть не может.

Чувствуя, как участился пульс, она спрятала письмо от друга и открыла свой самый маленький сундучок – тот, который удалось захватить с собой, сохранив тем самым от разграбления игроками в своей комнате на постоялом дворе. Он был полон денег, украденных ею у отца, но скрывал в своих недрах и другое сокровище. Внутренняя парчовая обшивка непривлекательного цвета жженого апельсина и лайма, к которой большинство людей никогда не стали бы присматриваться, содержала прорезь по краю, где Телла прятала первопричину нынешней ситуации: карту с изображением Аракла.

Вытаскивая ее, она ощутила привычное покалывание в пальцах. После исчезновения матери отец обезумел от ярости. Раньше он не был жестоким человеком, но когда его бросила жена, в нем почти мгновенно произошли разительные перемены. Он вывалил всю ее одежду в канаву, изрубил на дрова ее кровать, а все остальное сжег. Единственными уцелевшими предметами были алые серьги, которые Палома подарила Скарлетт, перстень с необработанным молочным опалом, тайком присвоенный Теллой, да загадочная карта, которую она держала сейчас в руке. Если бы она не взяла эти вещи прямо перед

отъездом матери, то на память о ней у нее и вовсе ничего бы не осталось.

Перстень с опалом изменил цвет вскоре после исчезновения матери девочек, став огненно-красным с фиолетовым отливом. Края карты Аракла по-прежнему были покрыты жидким золотом, а вот изображение в мерцающем центре менялось бесчисленное количество раз. Телла не знала, каким оно было изначально, когда она вытащила его украдкой из Колоды Судьбы своей матери. Даже несколько дней спустя, посмотрев в зеркало и увидев текущие по щекам крупные слезы – воссозданный образ, впервые показанный Араклом, – она не смогла понять, что к чему. Лишь по прошествии большего количества времени она заметила, что, когда Аракл являл некое изображение, оно всегда относилось к грядущим событиям.

Сначала образы были несущественными, даже безобидными: служанка примеряет любимое платье Теллы, отец жульничает в карты. Но постепенно картины будущего становились более тревожными, пока однажды, сразу после помолвки старшей сестры с графом Телла не увидела самую страшную из всех.

Скарлетт была одета в белоснежное свадебное платье, расшитое рубинами и тонким кружевом, усыпанное цветочными лепестками. Зрелище должно было быть красивым, но в видении Аракла повсюду была грязь и кровь, а Скарлетт отчаянно рыдала в объятиях Теллы.

Ужасный образ не менялся в течение нескольких месяцев, как будто карта просила Теллу предотвратить брак по сговору старшей сестры и изменить будущее – чего ей и самой очень хотелось. Она строила планы побега, в которых спастись от удушающей власти отца им с сестрой помогал магистр Легендо. Телла знала, что если что-то и может сподвигнуть ее чрезмерно осторожную сестру на риск изменить свою жизнь к лучшему, так это Караваль. Но Легендо не ответил ни на одно из писем Теллы, так же как всегда оставлял без внимания послания Скарлетт.

Показанное Араклом изображение побудило Теллу поискать больше сведений о великом магистре. Ходили невероятные слухи, что много лет назад он убил кого-то во время игры, и она надеялась, что, если разузнает подробности, сумеет обратить на себя внимание Легендо.

За дело Телла взялась очень рьяно и опрашивала всех и каждого в надежде обнаружить хоть что-то. Наконец, ей посоветовали написать в учреждение под названием «Их разыскивает Элантина». Предположительно, это была некая организация в городе Валенда, столице Меридианной империи, но никто не мог точно ответить, какими именно делами она ведает. После того как Телла запросила сведения о Легендо, получила письмо, в котором говорилось следующее:

Мы нашли человека, согласившегося вам помочь, но имейте в виду, что зачастую плату за свои услуги он берет не деньгами.

Телла написала снова с просьбой сообщить ей имя этого человека, и тот ответил ей лично:

Лучше вам этого не знать.

Друг

Для себя Телла решила, что ее «друг» был преступником, но на деле он оказался пунктуальным и умным корреспондентом. Информация, которую он предоставил о Легендо, была не такой, как она ожидала, но, воспользовавшись ею, Телла снова написала магистру и попросила его о помощи.

На сей раз ей это удалось. Легендо ответил Телле, и как только он согласился помочь им с сестрой сбежать от отца, Аракл изменил изображение: испорченное свадебное платье Скарлетт стало другим, рубиново-красным, в котором она блистала на балу, очаровывая многочисленных кавалеров. Именно такого будущего Телла хотела для своей сестры: полного очарования, торжеств и свободного выбора.

К сожалению, через день картинка снова поменялась и теперь показывала иное грядущее, остающееся неизменным и поныне.

Телла не знала, явит ли заколдованная карта ту же ужасную картину и сегодня; но надеялась, что нет – после всего, что произошло во время Караваля, она просто обязана была уже сделаться другой!

Изображение, однако, не изменилось.

Лишенная последних крупиц надежды, Телла разочарованно выдохнула.

Карта по-прежнему показывала Палому, похожую на Узницу – еще одну карту из Колоды Судьбы: вся в крови, запертая в темной тюремной камере с крепкими железными прутьями.

Перспектива подобного будущего побудила Теллу обратиться к своему таинственному другу с еще одной просьбой: может ли он помочь найти ее мать. Телла искала ее и раньше, но это ни к чему не привело, однако, в отличие от нее самой, ее друг не жил на захолустном острове и явно знал куда более действенные способы сыска.

Его ответ она выучила наизусть:

Дорогая Донателла!

В настоящее время я изучаю запрос, касающийся Вашей матери, и могу заявить, что напал на верный след. Полагаю, причина, по которой Вам не удавалось найти ее самостоятельно, заключается в том, что Палома – не настоящее ее имя. Однако ваше воссоединение станет возможным только после того, как я получу с Вас причитающееся мне за предоставленные сведения о магистре Караваля Легендо.

На случай, если Вы позабыли, о чем речь, напоминаю: мне требуется настоящее имя Легендо. Все остальные, кому я поручал это задание, потерпели неудачу. Но поскольку Вы будете проводить время на его частном острове, уверен, у Вас все получится. Как только узнаете его имя, мы сможем обсудить плату за поиски Вашей матери.

Преданный Вам друг

Новость об имени Паломы была единственной, которую Телла узнала о своей матери с тех пор, как та пропала семь лет назад, и она вселила в Теллу искреннюю надежду. Девушка понятия не имела, зачем ее другу понадобилось подлинное имя Легендо – из личного интереса или для передачи кому-то другому – и ей было все равно. Она решила во что бы то ни стало узнать это имя, ведь только в таком случае наконец-то сможет снова увидеть свою мать. Прежде друг никогда ее не подводил.

– Боже милостивый!

Подняв голову, Телла встретилась с устремленными на нее широко раскрытыми глазами сестры. Она и не заметила, как та вернулась в комнату!

– Где ты взяла все эти монеты? – Скарлетт указала на открытый сундучок.

При слове «монеты» мысли Теллы переключились на другое. Ее друг завернул в последнее свое письмо странную монету. Вот чего ей не хватало! Должно быть, монета выскользнула из кармана, когда Телла кувыркалась на лесной подстилке с Данте. Значит, нужно вернуться и отыскать ее. Она спрятала Аракла в карман и бросилась к двери.

– Куда ты направляешься? – крикнула ей вслед Скарлетт. – Только не говори, что ты украла все эти деньги!

– Тебе не о чем беспокоиться, – отозвалась Телла. – Я взяла их у нашего отца, а он думает, что я умерла.

Прежде чем Скарлетт успела ответить, Телла выбежала из комнаты.

Быстрая, как ветер, она выскользнула из особняка с башенками и, лишь оказавшись на улице, вдоль которой тянулись торговые лавки в форме шляпных коробок, поняла, что по-прежнему босиком. Подобное упущение быстро дает о себе знать.

– Божьи зубы! – взвизгнула Телла. Она проделала всего половину пути до леса, но уже трижды ушибла большой палец ноги. На этот раз она готова была

поклясться, что камень сам выскочил из мощеной улицы и нарочно атаковал ее босые ноги. – Клянусь, что если хоть один из вас укусит меня за пальцы, я утоплю вас в океане, где русалки смогут использовать вас, чтобы подтереть…

Телла услышала низкий, до боли знакомый смешок и велела себе не оборачиваться. Не поддаваться любопытству. Однако, услышав запрет – даже исходящий от самой себя, – ей немедленно хотелось его обойти или нарушить.

Она осторожно оглянулась через плечо и тут же пожалела об этом.

По противоположной стороне тихой улочки важно шествовал Данте, не сводя с нее насмешливого взгляда. Телла потупилась, надеясь, что если притворится, будто не замечает его, он к ней не подойдет и не станет подшучивать над тем, как она только что ругала камни.

Но Данте пересек улицу, направляясь к ней размашистыми шагами и широко улыбаясь, как будто ему был известен некий секрет.

Глава 3

«Просто я сегодня еще не ела», попыталась уверить себя Телла, когда у нее болезненно сжался желудок. Но дело, конечно, было не в этом, а в самом Данте. Хоть он и спал на лесной подстилке, к его начищенным ботинкам не прилипло ни единой травинки. Одетый в чернильно-черное и без шейного платка, он был похож на темного бескрылого ангела, сброшенного с небес и приземлившегося на ноги.

Телле вдруг вспомнилось, как он обращался с ней прошлой ночью на празднике, и у нее внутри все перевернулось. Когда она поздоровалась, он ответил с полным безразличием, но потом она поймала на себе его взгляд, устремленный на нее поверх людской толпы, а вскоре Данте подошел к ней и принялся целовать так страстно, что у нее подкосились колени.

– Пожалуйста, продолжай! – сказал он, возвращая ее в настоящий момент. – Весьма любопытный разговор. Меня можешь не стесняться – мне доводилось

слышать куда более цветистые выражения.

– Тебе не понравилось мое любимое проклятие?

– Помнится, я сам просил употреблять как можно больше грязных слов, – произнес он голосом таким низким, что Телле показалось, от него стали завиваться ленты, спускающиеся по спине ее платья.

Но ведь это Данте. Точно так же он разговаривает со всеми девушками, сверкая обольстительной улыбкой, расточая злые и соблазнительные слова, пока не добьется того, чтобы они расстегнули блузки или подняли подол юбки. Потом он сделает вид, что этих несчастных и вовсе не существует. Во время Караваля Телла не раз слышала подобные истории, поэтому не сомневалась, что после вчерашней ночи Данте никогда больше не заговорит с ней – что вполне ее устраивало.

Поцелуи Телле понравились. При иных обстоятельствах она, вероятно, прельстилась бы мыслью о большем, но это «большее» могло обернуться для нее влюбленностью, а любви Телла себе совершенно не желала. Она давно поняла, что любимой ей быть не суждено, поэтому свободно целовала многих молодых людей – но ограничивалась одним-единственным разом.

– Что тебе нужно? – рявкнула она.

Данте округлил глаза, явно удивленный ее резким тоном, но не изменил своего дружелюбного настроя:

– Ты уронила это в лесу прошлой ночью.

Протянув к ней руку, он показал лежащую у него на ладони толстую медную монету с тисненым изображением, похожим на половинку лица.

Так ее монета у него! Телле захотелось немедленно выхватить ее, но спешить в нынешней ситуации едва ли было разумно.

– Спасибо, что подобрал, – холодно отозвалась она. – Ценности она не представляет, но мне нравится носить ее при себе как талисман на удачу.

Она потянулась к нему, но Данте проворно отдернул руку и, подбросив медный кругляш в воздух, снова поймал его.

– Интересный выбор для оберега. – Внезапно он разом посерьезнел и, нахмурив свои угольно-черные брови, продолжил подкидывать монету, позволяя ей танцевать между его татуированными пальцами. – Немало странных вещей повидал я во время Караваля, но ни разу не замечал, чтобы кто-то носил на удачу подобное.

– Считай, что мне нравится быть непохожей на прочих.

– Или ты просто понятия не имеешь, что это такое. – В его низком голосе еще отчетливее зазвучали насмешливые нотки.

– И что, по-твоему, это такое?

Данте еще раз подбросил монету.

– Говорят, что они были выкованы богами и богинями Судьбы Мойрами и потому называются «монетами невезения».

– Теперь понимаю, почему удача всегда обходила меня стороной! – Телла попыталась обратить все в шутку, но что-то грызло ее изнутри – возможно, негодование на собственную глупость от того, что не узнала монеты сразу.

Телла стала одержимой Мойрами с тех пор, как нашла Колоду Судьбы своей матери. Всего карт было тридцать две, включая двор из шестнадцати бессмертных, а также восемь мест и восемь предметов. Каждая Мойра обладала определенной, ей одной присущей силой, но это была не единственная причина, по которой много сотен лет назад они пришли к власти на территории большей части света. Также считалось, что смертные не могли их убить, и что они быстрее и сильнее обычных людей.

Столетия назад, до своего исчезновения, изображенные на Колоде Судьбы Мойры правили миром подобно богам – но богам жестоким. Телла прочитала о них все, что смогла найти, и, конечно, знала о монетах невезения, но сейчас ей было неловко признаться в своей оплошности.

– Люди называли их монетами невезения, потому что найти такую всегда считалось плохим предзнаменованием, – пояснил Данте. – По слухам, они обладают магической способностью определять местонахождение человека. Мойры имели обыкновение незаметно подсовывать их в карманы своих слуг-людей, любовников или кого-то еще, за кем хотели проследить, иметь в поле зрения или контролировать. Но держать подобный артефакт в руках мне до сегодняшнего дня не доводилось, однако я слышал, что если запустить монету невезения волчком, то можно увидеть, какой из Мойр она принадлежала.

Данте поставил монету на ребро на край ближайшей скамейки, и Телла ощутила пробежавший по спине неприятный холодок. Хотя он, похоже, знал много тайных историй, она не могла сказать наверняка, верил ли он в могущество богов и богинь Судьбы так, но верила в них она сама.

Считалось, что Дева Смерти предсказывает потерю близкого человека или члена семьи. Через несколько дней после того, как Телла открыла эту карту и увидела девушку, на чьей голове красовалось жемчужное украшение, похожее на клетку, пропала Палома. Несомненно, было бы ребячеством полагать, что причиной этого исчезновения послужило переворачивание карты, однако не все детские убеждения следует считать ошибочными. Мама ведь предупреждала, что Мойры способны исказить будущее. А Телла своими глазами видела, как Аракл раз за разом предсказывал то, что должно было произойти.

Телла затаила дыхание, когда Данте резко крутанул монету. Она вращалась до тех пор, пока выгравированные с обеих сторон изображения не начали сливаться воедино, как по волшебству, образуя знакомую картину – безжалостную картину. Привлекательный юноша с опасной ухмылкой, при виде которой Телла представила, как его зубы впиваются в сердце, а губы прижимаются к вскрытой вене, чтобы вкусить крови.

Хотя изображение было небольшим, Телла видела его отчетливо. Жестокий молодой человек сжимал одной рукой, поднятой к заостренному подбородку, рукоять кинжала, и из глаз его струились красные слезы, под стать крови, запятнавшей уголок узкого рта.

Принц Сердец.

Символ неразделенной любви и непоправимых ошибок, он никогда не переставал наполнять Теллу одновременно страхом и болезненным очарованием.

В отличие от Скарлетт, которая большую часть детства грезила о Каравале и его распорядителе магистре Легендо, Телла попала под очарование Принца Сердец с тех пор, как вытащила его из Колоды Судьбы своей матери, и он предсказал ей будущее без любви.

Если верить мифам, поцелуи Принца Сердец стоили того, чтобы за них умереть, и Телла часто задавалась вопросом, каково это – вкусить такой смертельной ласки. Взрослея, она поцеловала достаточно юношей, чтобы понять: ни один поцелуй не стоит того, чтобы за него умереть. Тогда-то Телла и начала подозревать, что истории были просто баснями, рассказывающими об опасностях, которые таит в себе любовь.

Ибо также говорили, что Принц Сердец не способен любить, потому что его собственное сердце давно перестало биться. И лишь один человек на свете может вернуть его к жизни – его настоящая возлюбленная. По слухам, поцелуй Принца Сердец смертелен для всех, кроме нее, его единственной слабости, и, пока ищет ее, повсюду оставляет за собой след из трупов.

Ощутив прикосновение холодка к шее, Телла прихлопнула монету ладонью.

– Я так понимаю, от принца ты не в восторге? – спросил Данте.

– Монета могла в любой момент упасть, и тогда мне пришлось бы ее поднимать.

Данте усмехнулся уголками губ – слова Теллы его нисколько не убедили. От ее внимания не ускользнуло и то, что он говорил о Принце Сердец так, будто и он, и другие Мойры все еще правили Меридианной империей, а не исчезли более века тому назад.

– Не знаю, зачем ты на самом деле носишь при себе эту монету, – продолжил он, – но будь осторожна. Из того, к чему прикасалась Мойра, никогда не получалось ничего хорошего. – Он устремил глаза к небу, будто боги и богини Судьбы в самом деле подглядывали сейчас за ними сверху.

Не дав Телле возможности ответить, Данте решительно зашагал прочь, оставив ее с обжигающей ладонь монетой и жутким ощущением, что, возможно, в этом красавце-юноше заключалось нечто большее, чем она изначально подозревала.

Глава 4

Поймав себя на том, что думает о безответной любви и поцелуях, за которые стоит умереть, Телла запустила монету невезения Принца Сердец волчком на той же скамейке, что прежде Данте. Почему таинственный друг подарил ей артефакт древнего мифа? Не потому же, надеялась она, что не доверяет и хочет следить за ней.

Возможно, диковинная монета служила напоминанием о том, насколько он искусен в нахождении разного рода редкостей – другим людям подобное не по силам – и что он единственный способен отыскать Палому.

Звякнул дверной колокольчик – едва различимый чарующий звук – но Телла тут же схватила монету и, осмотревшись по сторонам, заметила вышедшего из торговой лавки молодого человека. Она скользнула взглядом по его темно-красному утреннему сюртуку, а потом обратила внимание на глаза – пронзительные и ярко-зеленые, как свежеограненные изумруды…

Тут ее зрение затуманила кровавая пелена.

Этот молодой человек был ей знаком. После окончания Караваля он снял с глаза повязку, но его чернильно-черные волосы, подчеркнуто аристократическая одежда и невероятно тщеславное выражение лица безошибочно выдавали графа Николя д’Арси, бывшего жениха Скарлетт.

Руки Теллы сами собой сжались в кулаки, так что ногти впились в ладони, оставив на коже следы в виде полумесяцев. Официально она встречалась с этим человеком лишь единожды, но несколько раз шпионила за ним во время Караваля. Она видела, как он преследовал ее сестру, и слышала, что, поймав, был готов на невыразимые вещи, чтобы удержать ее. Скарлетт удалось сбежать. Телла готова была задушить его, или отравить, или искалечить его смазливое

личико, но Легендо пригрозил в одном из писем, что выведет ее сестру из игры, если Телла отклонится от своей роли и каким-либо образом вмешается в развитие событий.

Поэтому она была вынуждена бездействовать. Однако теперь, когда игра закончилась, она вольна делать все, что ей заблагорассудится.

Граф находился в нескольких торговых лавках впереди Теллы и, всецело поглощенный разглядыванием своего отражения в витрине, ее не замечал. Разумнее всего было бы уйти потихоньку на другую улицу, чтобы он не обнаружил, что она все еще жива.

Но Телла имела свои слова в виду, когда выражала сомнение, что д’Арси узнал бы ее, даже если она подошла к нему и залепила пощечину. За то, что он сделал с ее сестрой во время Караваля, он заслуживал куда более сурового наказания, чем оплеуха, но яда у Теллы при себе не было.

Она подобралась ближе, подумывая о том, чтобы пнуть графа ногой и…

Кто-то зажал ей рот рукой, а другой обхватил за талию. Она принялась отчаянно брыкаться, но это не помешало нападавшему оттащить ее обратно в узкий, как щепка, переулок.

– Немедленноотпуститеменя! – захлебываясь словами, невнятно пробормотала она.

Удерживающие ее руки внезапно исчезли, и от неожиданности Телла чуть не упала.

– Все в порядке, – услышала она низкий голос с напевным южным акцентом. – Я ничего тебе не сделаю, только не убегай.

Телла резко обернулась.

Темные волосы Хулиана по-прежнему пребывали в беспорядке, спутанные пальцами Скарлетт, но глаза больше не походили на разлитые лужицы теплого жидкого янтаря, как тогда, когда он смотрел на ее сестру ранее. Сейчас в его

взгляде читалась непреклонность и скрытое напряжение.

– Хулиан? Что ты, черт возьми, вытворяешь?

– Всего лишь пытаюсь помешать тебе совершить ошибку, о которой ты впоследствии пожалеешь. – Он быстро стрельнул глазами в сторону узкого переулка из красного кирпича, ведущего к улице, по которой прогуливался сейчас мерзкий граф д’Арси.

– Напротив, – возразила Телла, – я почти уверена, что, совершив эту ошибку, очень даже порадуюсь. Я удивлена, что тебе самому не хочется пустить ему кровь за то, что он позволил моему отцу с тобой сделать. – Кивком головы она указала на неровный шрам, который тянулся от уголка глаза Хулиана ко рту.

Умерев во время Караваля, исполнители возвращались к жизни по окончании игры, но полученные шрамы оставались при них. Телла слышала, что граф и пальцем не шевельнул, чтобы остановить их со Скарлетт отца, когда тот порезал Хулиану лицо.

– Хочешь верь, хочешь нет, – процедил Хулиан сквозь зубы, – мне не раз хотелось пустить Армандо кровь, но…

– Армандо? – перебила Телла, удивляясь, что Хулиан не назвал своего обидчика графом, Николя, д’Арси или наиболее подходящим случаю эпитетом «грязный кусок дерьма граф Николя д’Арси». Хулиан употребил другое имя. – Какой еще Армандо?

– Судя по выражению лица, ты, похоже, уже догадалась об ответе. Армандо никогда не был помолвлен с твоей сестрой. Он работает на Легендо, как и я.

Телла покачнулась, снова отчетливо ощутив, что ноги ее по-прежнему босы, а в памяти тем временем всплыли до боли знакомые слова из приветственной речи: «Проходя через ворота, не забывайте, что вступаете в игру… Мы хотим увлечь вас, однако будьте осторожны, не уноситесь слишком далеко».

Легендо – негодяй, по-другому не скажешь! Телла считала себя неуязвимой, поскольку писала ему письма, пока он планировал игру. Но, очевидно,

ошибалась. Магистр одурачил ее точно так же, как и всех остальных. Телле никогда не приходило в голову, что артист Караваля мог играть роль жениха ее сестры.

Легендо в самом деле заслуживал имени, которое он для себя выбрал. Телла задавалась вопросом, закончатся ли когда-нибудь его игры, или все они до конца дней своих обречены бродить в бесконечном запутанном лабиринте фантазий и реальности без надежды когда-либо из него выбраться.

Жестом скорее нервным, чем похожим на извинение, стоящий напротив Хулиан потер ладонью шею. Телла знала о присущей ему порывистости – едва ли он продумал последствия того, что откроет ей правду. Скорее всего, он просто действовал сообразно обстоятельствам, когда увидел, что она собирается напасть на Армандо.

– Моя сестра не знает, не так ли? – на всякий случай уточнила она.

– Не знает, – подтвердил Хулиан. – Пусть и дальше пребывает в неведении.

– Так ты просишь меня солгать ей?

– Как будто ты никогда не делала этого прежде!

Телла ощетинилась:

– Я поступала так для ее же блага!

– Я тоже пекусь о ее благе.

Хулиан скрестил худые руки на груди и прислонился спиной к стене дома. Расположение Теллы он потерял, поскольку ей не пришлось по душе сделанное им заявление. Утверждение, что некий поступок совершается ради чьего-то блага, почти всегда означало необходимость оправдать что-то неправильное. Но коль скоро Телла первой сделала подобное заявление, не могла теперь должным образом за то же самое отругать Хулиана.

– Через несколько дней мы отплываем в Валенду, – продолжал Хулиан. – Как, по-твоему, поступит Скарлетт, если узнает, что во время Караваля повстречалась вовсе не со своим женихом?

– Станет искать настоящего графа, – вынуждена была признать Телла. Учитывая, что он живет в Валенде, сделать это будет нетрудно. Скарлетт действительно хотела выйти замуж за человека, которого не то что никогда не встречала вживую, но даже портрета не видела. Телла этого стремления понять не могла. В своем воображении Скарлетт создала образ идеального жениха и всегда видела только самое лучшее в его вкрадчивых и напрочь лишенных любви письмах.

Скарлетт сказала бы, что ею движет простое любопытство, но, зная свою сестру, Телла предположила, что в глубине души та, вероятно, захотела бы дать графу шанс, что может обернуться сущей катастрофой. Перед мысленным взором Теллы снова возник образ рыдающей Скарлетт в окровавленном свадебном платье. Аракл показал, что она стерла такое будущее, но вдруг это действие обратимо и все еще может произойти?

– Узнав, что ты ей солгал, Скарлетт уж точно в восторг не придет, – предупредила Телла.

– Повторяю, я действую в ее интересах.

Хулиан потер свой заросший темной щетиной подбородок. Он выглядел и говорил как мальчишка, которому не терпится ввязаться в уличную драку, но Телле слышалась в его словах неподдельная отвага. Она не до конца определилась с тем, насколько далеко простирается привязанность Хулиана к ее сестре, но в этот момент почувствовала его готовность преступить любой закон совести, чтобы сохранить сердечное расположение Скарлетт. Странно, но это укрепило доверие к нему.

Было бы куда проще не согласиться с его доводами; тогда Скарлетт не пришлось бы беспокоиться о том, что граф заметит Теллу во время их пребывания в Валенде, потому что настоящий граф не знает ее в лицо. Но как бы сильно это ни упрощало ситуацию, Телла не могла рисковать, раскрыв сестре правду. Союз между Скарлетт и графом закончился бы разбитым сердцем и крушением надежд. Именно это предсказал Аракл, а карта никогда не лгала

Телле.

– Хорошо, – наконец сдалась она. – Я ни словом не обмолвлюсь Скарлетт об Армандо.

Хулиан едва заметно кивнул, будто с самого начала знал, что Телла пойдет на этот обман.

– Как бы я ни вела себя во время Караваля, скрывать что-то от сестры мне совершенно не по душе.

– Нууу, стоит только начать, и остановиться будет непросто.

– Это ты на себя намекаешь? Так часто лгал, что разучился говорить правду?

Слова прозвучали резче, чем хотелось бы, но Хулиан, к его чести, в ответ не стал огрызаться.

– Караваль может показаться ложью от начала до конца, но в нем вся моя жизнь – вот тебе правда. Последняя игра была для меня такой же реальной, как и для твоей сестры. В то время как она боролась за тебя, я боролся за нее. – Его голос стал более грубым. – Хоть я и не открыл Скарлетт, кто я такой на самом деле, мои чувства к ней были искренними. Мне требовалось провести с ней как можно больше времени, прежде чем она узнает что-то такое, что может заставить ее усомниться во мне.

– Вдруг Скарлетт увидит, что Армандо до сих пор на острове?

– Легендо отправляет его и еще нескольких исполнителей в Валенду раньше основной части труппы.

Как предусмотрительно!

– Раз уж я делаю тебе одолжение, то и от тебя вправе ожидать ответной любезности, – воскликнула Телла в порыве вдохновения.

Хулиан задумчиво покачал головой.

– Какого рода любезность?

– Я хочу узнать настоящее имя Легендо. Кто он на самом деле такой?

Хулиан рассмеялся, не дав ей закончить:

– Только не говори, что и ты тоже в него влюбилась!

– Кому как не мне знать, что в Легендо лучше не влюбляться.

– Что ж, ладно. Но я вынужден тебе отказать, – продолжил Хулиан, снова делаясь серьезным. – Ты предлагаешь нечестную сделку, но даже если бы это было не так, я все равно не смог бы назвать тебе имя Легендо.

Телла скрестила руки на груди. В действительности она и не ожидала, что он ответит. Те немногие исполнители, которых она смогла расспросить, дали ей похожие ответы. Некоторые посмеивались над ней, другие ухмылялись, а кое-кто и вовсе не обращал внимания. Сначала она предположила, что большинство из них понятия не имеют, кто скрывается за личиной Легендо, но реакция Хулиана оказалась иной и дала повод надеяться, что она, наконец, нашла кого-то более осведомленного.

– Если ты не в состоянии назвать мне настоящее имя Легендо, – сказала Телла, – то хоть укажи на кого-нибудь, кто может это сделать, или договора у нас не получится.

Теперь Хулиан окончательно посерьезнел.

– Личность магистра Караваля – его самая строго охраняемая тайна. Никто на этом острове ее тебе не откроет.

– Тогда, полагаю, мне придется рассказать Скарлетт правду об Армандо. – Телла повернулась, намереваясь выйти из переулка.

– Подожди!

Хулиан схватил ее за запястье, и Телла с трудом сдержала улыбку, видя, в каком он пребывает отчаянии.

– Если ты пообещаешь не говорить Скарлетт об Армандо, я назову имя исполнителя, который мог бы ответить на некоторые вопросы.

– Мог бы?

– Он числится в труппе Караваля с момента ее образования и знает… разное. Но он не раздает сведения бесплатно.

– Будь это не так, я бы ему не поверила. Скажи мне, кто он и, считай, мы договорились.

– Найджел, – проговорил Хулиан чуть слышно, – прорицатель Легендо.

Телла никогда не встречалась с Найджелом лично, но знала, кто он такой, поскольку его нельзя было ни с кем спутать. Каждый сантиметр его тела, включая лицо, был покрыт красочными реалистичными татуировками, с помощью которых он предсказывал будущее. Его предназначение в устах Хулиана звучало по-другому, как будто он был нацелен исключительно на передачу сведений магистру Караваля, а не для помощи игрокам.

– Будь осторожна, – добавил Хулиан, словно Телле требовалось еще одно предупреждение. – Прорицатели отличаются от простых людей вроде нас с тобой. Они видят мир таким, каким он мог бы стать, и иногда пытаются добиться того, чего хотят, а не того, что должно быть.

Глава 5

Воздух был напоен солью и тайнами. Телла сделала глубокий вдох, надеясь, что и вечер тоже будет пронизан волшебством, которое окутывало корабль Легендо «Эсмеральда».

Магия была повсюду, даже раздуваемые ветром паруса казались зачарованными. Днем они отливали красным, а ночью – серебром, точно плащ чародея, намекающий, что под ним скрываются тайны, которые Телла планировала разузнать этой ночью.

Спускаясь в недра судна в поисках Найджела-прорицателя, она услышала чей-то пьяный смех. В первый вечер плавания она совершила ошибку, отправившись спать, и только на следующий день поняла, что исполнители Легендо изменили часы бодрствования, чтобы подготовиться к следующему Каравалю. Они отдыхали днем и просыпались после захода солнца.

За первый день на борту «Эсмеральды» Телле удалось узнать лишь то, что Найджел тоже на корабле, но по-настоящему она его еще не видела. Скрипучие отсеки под палубами напоминали передвижные мосты Караваля, перемещающиеся, куда вздумается. Ей никак не удавалось понять, кого в какой каюте поселили. Телла не могла не задаваться вопросом, нарочно ли Легендо все это подстроил или просто такова непредсказуемая природа магии.

Она представила себе магистра в неизменном цилиндре, смеющегося над предположением о том, будто магия способна обладать большим контролем, чем он сам. Для многих Легендо и был воплощением магии.

Когда Телла только-только прибыла на Исла-де-лос-Суэньос – остров Грёз – она подозревала, что великим магистром может оказаться любой молодой человек. У Хулиана, например, имелось так много тайн, что он вполне мог быть подлинным Легендо – пока не умер во время последней игры. Роль Легендо тогда исполнял актер по имени Каспар. Сверкая глазами и раскатисто хохоча, он казался настолько убедительным, что Телле оставалось только гадать, действительно ли он лицедействует. На первый взгляд Данте, наделенный нереальной красотой, выглядел в точности как Легендо, каким она всегда его себе воображала. Телла могла с легкостью представить себе широкоплечего Данте в черном фраке и с бархатным цилиндром на голове, затеняющим черты лица. Однако чем больше она думала о Легендо, тем больше задавалась вопросом, носил ли он вообще когда-нибудь цилиндр. Или этот головной убор имеет символическое значение и призван нарочно сбивать людей с толку. Возможно, Легендо – не простой человек, а настоящий чародей, с которым она вообще никогда не встречалась во плоти.

Корабль накренился, и в тишине раздался веселый смех. Телла замерла посреди узкого коридора. Смех прекратился, а воздух перестал пахнуть солью и сырой древесиной, но сгустился и сделался приторно-сладким. Да это же аромат роз!

Кожу Теллы стало покалывать, по обнаженным рукам забегали мурашки. Посмотрев себе под ноги, она обнаружила дорожку из цветочных лепестков.

Хоть она и не знала настоящего имени Легендо, в одном не сомневалась: он любит красный цвет, розы и игры. Решил ли он поиграть с ней сейчас? Знает ли, что она задумала?

Чувствуя, как мурашки ползут вверх к шее, подбираются к корням волос, Телла зашагала по цветочному следу, давя нежные лепестки своими новыми туфельками. Будь магистр в курсе ее замысла, ни за что не отправил бы ее в верном направлении, и все же цветочный след представлялся слишком заманчивым, чтобы не проверить, куда он ведет. Он окончился у двери, по краям которой сияла медь.

Телла повернула ручку – и оказалась в райском саду с буйной растительностью и мечтательной атмосферой. Стены здесь были сотканы из лунного света, а потолок – из роз, нависающих над стоящим в центре столом, уставленным тарелками с пирожными и бокалами с игристым медовым вином, которое переливалось в свете свечей.

Но все это было приготовлено не для Теллы, а для ее старшей сестры. Телла случайно оказалась в истории любви Скарлетт, такой романтичной, что больно глазам.

Скарлетт стояла на другом конце комнаты и смотрела на Хулиана. Ее пышное рубиновое платье цвело ярче любых цветов, а сияющая кожа соперничала с луной. Влюбленные не прикасались ни к чему, кроме друг друга. Скарлетт прижалась губами к губам Хулиана, а он крепко обнял ее, как будто нашел то единственное сокровище, которое ни за что не хотел выпускать из рук.

Вот почему любовь так опасна. Она превращает окружающий мир в чарующий сад, находясь в котором, легко позабыть, что лепестки роз столь же эфемерны, что и чувства: в конце концов они завянут и облетят, оставив после себя лишь голые стебли с острыми шипами.

Развернувшись, Телла поспешила выйти за дверь, прежде чем ей в голову придет еще какая-нибудь жестокая мысль. Скарлетт заслужила счастье. Может быть, оно продлится долго. Вдруг Хулиан докажет, что достоин ее, и сдержит свои обещания? Нельзя сказать, что он не старается.

К тому же, в отличие от Теллы, Принц Сердец не обрекал Скарлетт на безответную любовь.

Как только Телла закрыла дверь, коридор снова изменился. Дорожка из цветочных лепестков исчезла, и на ее месте образовалась другая, сотканная из имбирного дыма и благовоний – эти запахи обычно сопровождали Найджела.

Телла почувствовала, что Легендо снова играет с ней, когда дымящиеся завитки благовоний приняли форму рук, приглашающе машущих в сторону открытой двери.

Войдя внутрь, она ощутила жар. По периметру комнаты стояли зажженные свечи из желтого воска, а в центре на кровати, покрытой бархатным одеялом глубокого оттенка сливового вина, развалился Найджел. Его губы, опоясанные вытатуированной колючей голубой проволокой, растянулись в широкой улыбке, больше похожей на разверстую ловушку.

– А я все гадал, когда же вы почтите меня своим присутствием, сударыня. – Жестом он пригласил Теллу сесть напротив себя на одну из подушек с кисточками, горой наваленных у подножия его ложа. Как и во время Караваля, Найджел носил только набедренную повязку из коричневой ткани, выставляя свои яркие татуировки на всеобщее обозрение.

Взгляд Теллы упал на цирковые сценки, запечатленные на его толстых ногах, и она принялась завороженно рассматривать изображение женщины с перьями вместо волос, танцующей с волком в цилиндре. Спохватившись, что Найджел способен углядеть в этом некий тайный смысл, она быстро подняла глаза и тут заметила татуировку в виде разбитого черного сердца.

– Чем могу помочь? – спросил прорицатель.

– Предсказания будущего меня не интересуют. Мне нужна информация о Легендо.

Вытатуированные вокруг глаз Найджела звезды блестели, как влажные чернила, нетерпеливые и заинтригованные.

– Сколько ты готова заплатить? – спросил он более фамильярно.

Телла вытащила из кармана кошелек с монетами, но Найджел отрицательно покачал головой. Конечно, деньги ему ни к чему. Монеты – неходовой способ оплаты за услуги в мире Караваля.

– Обычно мы выступаем лишь раз в год, а потом долгие месяцы отдыхаем, – сообщил прорицатель. – На этот раз Легендо выделил нам меньше недели.

– Я не отдам вам ни единого дня своей жизни, – отрезала Телла.

– Твоя жизнь мне ни к чему. Я хочу твой покой.

– Сколько именно? – осторожно спросила Телла. Раньше ей доводилось по нескольку суток обходиться без сна. Отдать несколько ночей отдыха Найджелу не казалось слишком большой жертвой. Но именно такими эти сделки всегда и представлялись на первый взгляд. Исполнители Легендо выставляли их незначительными уступками, за которыми на самом деле всегда крылось нечто большее.

– Я возьму у тебя пропорционально тому, что отдам взамен, – пояснил Найджел. – Больше вопросов – больше отдыха. Если я не предоставлю тебе ценных ответов, ты ничего не потеряешь.

– Когда вы заберете мой сон?

– Как только ты выйдешь из этой комнаты.

Телла попыталась предусмотреть все аспекты сделки. Был вечер двадцать четвертого, а в Валенду они должны были прибыть утром двадцать девятого. Следовательно, оставалось еще четыре дня пути. Сколько бы сна прорицатель у

нее ни украл, к тому времени, как судно достигнет Валенды, она все равно будет измотана. Но если бы он сообщил конкретную информацию о Легендо, это того стоило бы.

– Хорошо. Но я разрешаю вам забрать мой сон, только пока мы на корабле. В Валенде вы ничего не должны у меня отнимать.

– Годится. – Найджел взял с подставки рядом с кроватью кисточку и небольшой горшочек, полный пылающей оранжевой жидкости. – Протяни мне запястье, чтобы завершить сделку.

Телла заколебалась.

– Вы же не собираетесь нарисовать что-то несмываемое, правда?

– Все, что я нарисую, исчезнет, как только ты полностью со мной расплатишься.

Телла протянула руку. Найджел действовал с отработанным мастерством: его холодная кисть порхала и кружилась по коже Теллы, как будто он постоянно использовал человеческое тело в качестве холста.

Когда он закончил, Телла увидела, что с запястья на нее таращится пара глаз, точно таких же, как ее собственные, круглые, светло-ореховые. На мгновение ей показалось, что они умоляли ее не делать подобного выбора. Однако лишение пары ночей сна казалось малой жертвой, если взамен она получит сведения, необходимые, чтобы вернуть долг своему таинственному другу и, наконец, положить конец семи годам мучений, которые начались в тот день, когда исчезла ее мать.

– Итак, – произнес Найджел, – что ты хочешь узнать?

– Мне требуется настоящее имя великого магистра. Как его звали до того, как он стал Легендо?

Найджел провел пальцем по своим губам, окруженным изображением в виде колючей проволоки, рисуя каплю крови – или она уже была вытатуирована на кончике его пальца?

– Я не смог бы назвать тебе имя Легендо, даже если бы захотел, – ответил он. – Никто из его исполнителей физически не в состоянии раскрыть этот секрет. Та же самая ведьма, которая столетия назад изгнала Мойр с лица земли, наделила Легендо силой. Магия эта очень древняя – старше, чем он сам, – и связывает нас всех тайной.

Хотя никто не был точно уверен в том, по какой причине Мойры исчезли, предоставив людям возможность самим собой управлять, ходили слухи, что их победила могущественная колдунья. Но Телла никогда не слышала, чтобы это была та самая, которая дала Легендо могущество.

– Это ничего не говорит мне об истинной личности Легендо.

– Я еще не закончил, – возразил Найджел. – А сказать собирался следующее: магия Легендо не позволяет произнести или раскрыть его истинное имя, но его можно выиграть.

Телла почувствовала легкое прикосновение паучьих лапок к коже, и один из нарисованных на ее запястье глаз начал закрываться. Веко его опускалось столь стремительно, что она поняла – ее платежное средство на исходе. В то же время она чувствовала, что приблизилась к ответу, в котором нуждалась.

– Как мне выиграть это имя? – быстро спросила она.

– Ты должна принять участие в следующем Каравале. Если победишь в игре, то первое лицо, которое увидишь, будет лицом Легендо.

Телла готова была поклясться, что, когда Найджел закончил говорить, одна из вытатуированных вокруг его глаз звезд упала. Вероятно, всему виной имбирный дым и едкие благовония, которые затуманили ее мозг и вызвали видения живых татуировок.

В этот момент ей следовало встать и уйти. Веки на ее запястье закрылись уже более чем наполовину, да и ответ, в котором она нуждалась, получен: выиграв Караваль, она наконец узнает настоящее имя Легендо. Однако последние слова прорицателя породили еще больше вопросов.

– Является ли то, что вы только что сказали, пророчеством, или и правда встреча с Легендо будет призом в следующем Каравале?

– Всего понемножку. – Татуировки из колючей проволоки, опоясывающие губы Найджела, превратились в шипы, и между ними расцвели черные розы. – Легендо – это не приз, но если ты выиграешь, то первое лицо, которое увидишь, будет лицом самого магистра. Он планирует лично вручить награду следующему победителю Караваля. Но, имей в виду, победа в игре будет иметь такую цену, о которой ты впоследствии пожалеешь.

Кожа Теллы покрылась мурашками, когда нарисованные глаза на ее запястьях закрылись, и в памяти вспыхнуло знакомое предупреждение матери: «Как только будущее предсказано, то становится живым существом, которое будет очень упорно бороться за свое воплощение».

Внезапно ее проняло: усталость захлестнула мощной волной, заставив опуститься на заваленную подушками кровать. Голова закружилась, а кости в ногах, судя по ощущениям, превратились в пыль.

– Что происходит? – пропыхтела она, пытаясь сесть. Дыхание ее при этом резко участилось. Это дым в комнате сгустился или у нее помутилось зрение?

– Наверное, мне следовало уточнить, – услышала она голос Найджела. – Заклинание на твоем запястье не лишает тебя способности спать, наоборот, заставляет заснуть, чтобы ты могла отдать мне свои сны и все, что в них увидишь.

– Нет! – Встав с кровати, Телла покачнулась. Зрение ее сузилось настолько, что перед глазами стояли только насмешливые татуировки и мерцающий свет свечей. – Я не хочу проспать всю дорогу до Валенды!

– Боюсь, уже слишком поздно. В следующий раз не стоит с такой легкостью соглашаться на сделки.

Глава 6

Даже кораблекрушение показалось бы изящным действом по сравнению с Теллой в ее нынешнем состоянии. Когда она, спотыкаясь, вышла из каюты Найджела, ее ноги отказывались идти по прямой. Бедрами она то и дело натыкалась на стены, а головой стукалась о висячие светильники. Возвращение в собственную каюту было сопряжено со столькими опасностями, что она снова потеряла туфельки. По счастью, цель была уже близка.

Дверь закачалась у нее перед глазами – последнее препятствие, которое требовалось преодолеть.

Напрягая последние силы, Телла открыла ее и… Либо она вошла не в свою каюту, либо уже начала видеть сон.

У Данте выросли крылья. Святая матерь всемогущая, как же они прекрасны: черные как смоль, с темно-синими прожилками, цвета потерянных желаний и просыпанной звездной пыли. Он стоял, повернувшись к прикроватной тумбочке, либо умываясь, либо, возможно, целуя свое отражение в зеркале.

Телла не вполне понимала, что делает этот высокомерный юноша. Ее затуманенные глаза сумели различить лишь то, что его рубашка и фрак исчезли, а из спины поднимается пара широких чернильных крыльев.

– С этими штуками ты вполне мог бы сойти за ангела смерти, – заметила она.

Данте бросил взгляд через плечо. Влажные волосы цвета меха черной лисы прилипли ко лбу.

– Меня называли по-разному, но не припомню, чтобы кто-то считал ангелом.

– А смертью тебя, значит, величали? – Ноги совсем отказали, и Телла, споткнувшись о порог, с глухим стуком упала на пол.

С противоположного конца комнаты донесся смех: нежный, легкий и, определенно, женский.

– Похоже, при виде тебя она лишилась чувств.

«Вот теперь меня точно стошнит», подумала Телла. В каюте Данте находилась какая-то девушка. Телла успела мельком увидеть нефритово-зеленое платье и блестящие темные волосы, прежде чем в поле ее зрения снова появился Данте. Он медленно покачал головой:

– Что ты…

Тут он заметил нарисованную на ее запястье пару закрытых глаз, и с его губ сорвался нервный звук, который мог быть смешком. Но наверняка Телла сказать не могла, поскольку ее слух оказался почти так же затуманен, как и голова. Сдаваясь, она опустила веки.

– Удивительно, что он добрался и до тебя. – Едва различимые слова Данте прозвучали совсем рядом.

– Мне было скучно, – пробормотала Телла. – И это показалось интересным способом скоротать время.

– В таком случае тебе следовало просто прийти ко мне. – На сей раз Данте определенно над ней насмехался.

* * *

Следующие несколько дней промелькнули в тумане страшных галлюцинаций. Найджел забрал все сны Теллы, а ей оставил кошмары. Ей являлись ужасающе реалистичные образы отца, раз за разом стягивающего свои фиолетовые перчатки, что всегда было предвестником наказания, а также тени в оттенках тьмы, которых не существовало в мире живых. Холодные, влажные руки гладили ее по волосам, когти вырывали сердце, а бескровные губы со смаком высасывали костный мозг.

До того как умерла во время Караваля, Телла сказала бы, что сны похожи на смерть, снова и снова приходящую за ней. Но смерть несравнима ни с чем, кроме самой себя. Ей следовало бы предвидеть, что после того как она сбежала, смерть станет преследовать ее, чтобы навсегда заполучить такую восхитительную девушку.

Хоть Телле и снились демоны преисподней, когда она пришла в сознание, ее приветствовала богиня.

Рядом с кроватью стояла Скарлетт, держа в руках поднос, нагруженный целой горой сокровищ: сливочным печеньем, заварным кремом из мускатного ореха, жареными в масле яйцами, толстыми ломтями бекона с хрустящей коричневатой корочкой и кружкой горячего шоколада с пряностями.

Телла тут же схватила самое большое печенье с кремом. Она чувствовала слабость, несмотря на то, что проспала несколько дней, но еда помогла восстановить силы.

– Я говорила, как сильно люблю тебя?

– Подумала, что после всего случившегося ты будешь голодна.

– Скар, прости меня…

– Тебе не за что извиняться. Я отлично знаю, как легко обмануться словами артистов Легендо. Все на борту корабля считают, что Найджел забрал у тебя слишком много.

Скарлетт посмотрела на Теллу, как будто надеясь, что та признается, зачем ходила к прорицателю.

Как бы Телле ни хотелось оправдать свои действия, она чувствовала, что сейчас не время обсуждать сделку, заключенную ею со своим таинственным другом. Скарлетт пришла бы в ужас, узнав, что сестра писала чужому мужчине, с которым познакомилась через сомнительную организацию «Их разыскивает Элантина».

Телла не кривила душой, говоря Хулиану, что ей не нравится лгать своей сестре. К сожалению, это не мешало поступать именно так. Телла хранила секреты от Скарлетт, чтобы та не беспокоилась. Исчезновение их матери означало, что Скарлетт пришлось с юных лет перестать быть беспечной девчонкой и взять на себя заботу о младшей сестре. Это было несправедливо, и Телле не хотелось утяжелять и без того нелегкое бремя Скарлетт. При этом она не могла не

задаваться вопросом, вдруг сестра уже узнала, что она натворила?

Скарлетт продолжала нервно разглаживать складки на юбке, которая с каждым прикосновением становилась все более мятой. Перед началом Караваля Легендо подарил ей волшебное платье, способное изменяться – и сейчас оно выглядело таким же встревоженным, как и его обладательница: украшенные розовым кружевом рукава посерели.

Хлебнув шоколада для храбрости, Телла села на кровати.

– Скар, если ты расстроена не из-за сделки, которую я заключила с Найджелом, то что тогда тебя беспокоит?

– Я хотела поговорить с тобой о Данте, – скривив губы, ответила та.

Черт бы все побрал! Телла не ожидала подобного поворота событий, также не сулившего ничего хорошего. Она уж и забыла о том, что потеряла сознание в каюте Данте. Должно быть, Скарлетт заметила, как он нес ее сюда, прижимая к своему обнаженному торсу.

– Скар, не представляю, о чем ты думаешь, но клянусь, что между мной и Данте ничего нет. Ты же знаешь, как я отношусь к парням, которые красивее меня.

– Выходит, после окончания Караваля не произошло ничего примечательного? – Скарлетт пересекла тесную каюту, протягивая сестре пару серебряных туфелек, тех самых, которые Телла оставила в лесу. – Он занес это вчера вечером вместе с интересной запиской.

У Теллы скрутило живот, когда она вынула из одной туфельки тонкий листок бумаги, на котором было написано:

Я собирался вернуть их с той ночи, которую мы провели в лесу.

Д.

Вот уж поистине мерзавец! Телла скомкала записку в кулаке. Данте, должно быть, написал это послание специально, чтобы помучить Скарлетт за то, что отвергла его во время Караваля.

– Что ж, ладно, – сдалась Телла. – Признаю, мы с Данте действительно целовались в ночь празднования окончания Караваля. Но это было ужасно, худшие поцелуи в моей жизни, повторения которых я определенно не жажду! Прости, если своим поступком причинила тебе боль, ведь я знаю, как отвратительно он с тобой обошелся во время игры.

Скарлетт поджала губы, думая о том, что с ложью сестра явно переусердствовала. Одного взгляда на Данте было достаточно, чтобы любая девушка тут же сдалась в плен его умелых губ.

– Мне все равно, целовались вы или нет, – сказала Скарлетт. – Если бы я познакомилась с ним прежде, чем с Хулианом, то, возможно, тоже поцеловала бы его.

Воображение Теллы услужливо подкинуло эту тревожную картину, и она еще острее почувствовала причину беспокойства Скарлетт. Захотелось пригрозить Данте, чтобы держался подальше от ее сестры, хотя самая идея того, что они вместе, казалась полной нелепицей. Но если уж Теллу, которая всячески побуждала Скарлетт наслаждаться жизнью, это задевало, она даже не пыталась представить, как беспокоилась ее чрезмерно заботливая сестра.

– Я не собираюсь контролировать тебя, – продолжила Скарлетт. – Мы обе сыты этим по горло. Просто не хочу, чтобы тебе причинили боль. Караваль начинается завтра в полночь, но, как я узнала во время прошлой игры, ключевые фигуры на доске Легендо расставляет намного раньше. – Скарлетт бросила еще один озабоченный взгляд на возвращенные Данте туфельки.

– Тебе не о чем беспокоиться, Скар. – На сей раз Телла сказала чистую правду. – Данте я склонна верить еще меньше, чем прочим, и отлично знаю, что Каравалем нельзя увлекаться слишком сильно.

– А мне казалось, ты играть не собираешься.

– Возможно, я передумала.

– Телла, лучше бы ты этого не делала. – Скарлетт разгладила подол платья, теперь уже полностью сменившего цвет на серый, оставив на ткани влажные следы вспотевших ладоней. – Случай с Найджелом напомнил мне о произошедших со мной печальных событиях. Тебе я подобного не желаю.

– Тогда поиграй вместе со мной! – порывисто воскликнула Телла. Идея эта не стала менее заманчивой даже после того, как она обдумала ее более серьезно. За прошлым Каравалем Телла наблюдала из-за кулис, а ее старшая сестра не только приняла в нем участие, но и выиграла. Став командой, они были бы непобедимы. – В таком случае ты сможешь проследить, чтобы актерам вроде прорицателя Найджела больше не удалось меня обмануть. А я буду отвечать за то, чтобы тебе было весело. Так мы и позаботимся друг о друге.

Платье Скарлетт от этого предложения сразу оживилось и поспешило сменить тускло-серое кружево на малиново-красное, спускающееся с рукавов к лифу. Сама Скарлетт, однако, все еще держалась настороженно. Перестав разглаживать многострадальный подол, она принялась нервно накручивать на палец серебристую прядку – ту самую, которая появилась в ее волосах после того, как она лишилась в прошлом Каравале одного дня жизни.

Телла задумалась, не рассказать ли Скарлетт об истинной причине, по которой ей нужно принять участие в игре и выиграть, но сомневалась, что упоминание Паломы поможет делу. Скарлетт никогда не говорила об их матери. Всякий раз, когда это пыталась сделать сама Телла, сестра либо меняла тему, либо и вовсе игнорировала ее. Если прежде Телла считала, что для Скарлетт это слишком болезненно, то теперь решила, что боль от потери превратилась в ненависть ребенка, брошенного своей матерью.

Это чувство было Телле вполне понятно. Она и сама предпочитала никогда не говорить об их грозном родителе и также избегала думать о нем.

Но мама, в отличие от отца, чудовищем вовсе не была.

– Малинка! – В дверь их маленькой каюты несколько раз постучали. – Ты тут?

При звуке голоса Хулиана выражение лица Скарлетт мгновенно изменилось: морщинки беспокойства смягчились до улыбки.

– Мы уже в Валенде, – добавил он. – Я пришел за вашими с сестрой сундуками. Хочу вынести их на палубу.

– Так и быть, впусти его, раз уж он готов тащить мои вещи, – тут же отозвалась Телла.

Скарлетт не нужно было повторять дважды. Она распахнула дверь, и Хулиан ухмыльнулся, как пират, только что нашедший сокровище. Телла могла бы поклясться, что его глаза вспыхнули огнем, когда он окинул ее сестру взглядом.

Скарлетт просияла в ответ. Платье ее тоже на свой манер поприветствовало Хулиана: кружево приобрело огненно-красный оттенок, а юбка из пышной стала облегающей.

Телла нарочито громко отхлебнула шоколада, чтобы напомнить влюбленной парочке о своем присутствии, прежде чем их страстные взгляды сменятся не менее страстными поцелуями.

– Хулиан, пожалуйста, помоги мне, – попросила Телла. – Я пытаюсь уговорить Скарлетт стать моей партнершей на время Караваля.

Мгновенно посерьезневший Хулиан пронзил ее острым взглядом, кратким, как вспышка молнии, но недвусмысленным. Он не хотел, чтобы Скарлетт снова участвовала в Каравале. И Телла вдруг поняла почему. Могла бы и сама догадаться!

Вступи Скарлетт в игру, она узнала бы правду об Армандо, который исполнил роль ее жениха в прошлом Каравале, и тогда ложь Хулиана и самой Теллы была бы разоблачена. Для Хулиана последствия могли оказаться гораздо хуже, чем для Теллы, но Скарлетт было бы больнее всего.

– С другой стороны, – беззаботно прощебетала Телла, пытаясь исправить свою оплошность, – я и одна могу сыграть. Ты будешь меня только тормозить.

– Не повезло тебе. Теперь я и сама загорелась этой идеей. – Скарлетт снова перевела взгляд своих больших карих глаз на Хулиана, сверкающий так, как никогда не сверкал на Трисде. – Я только что вспомнила, каким веселым может

быть Караваль.

Телла согласно улыбнулась, но улыбка получилась натянутой и быстро угасла.

Найджел же предупреждал, что если она выиграет игру, то придется заплатить слишком дорогую цену, о которой впоследствии пожалеет. И сама Скарлетт не раз твердила о том же. Но до этого момента Телла все пропускала мимо ушей. Одно дело, когда тебе говорят об опасностях Караваля, и совсем другое – видеть, как они претворяются в жизнь. Хоть прошлая игра и завершилась, для Скарлетт она не обошлась без потерь.

Телла не желала для себя подобной участи, как не хотела и насильно заставлять Скарлетт делать то, что могло бы причинить ей еще больше боли. Но если Телла не рискнет и не выиграет игру, она, возможно, никогда больше не увидит свою мать.

Столица Меридианной империи город Валенда

Глава 7

Если верить мифам, некогда Валенда была древним городом Алькарой, обиталищем Мойр, изображенных на каждой Колоде Судьбы. Они построили город с помощью магии, настолько старой и мощной, что даже спустя столетия после их исчезновения остатки сияющих чар заставляли холмы Валенды сиять так ярко, что ночью они могли осветить половину Меридианной империи.

Телла убедилась в правдивости этого предания, когда впервые увидела порт Валенды.

Уже спустились сумерки, и фиолетовый закат разбросал повсюду темно-пурпурные тени, но окружающий мир все еще лучился светом, начиная от подступов к доисторическим руинам, от которых остались лишь разрушающиеся колонны да массивные арочные своды, и заканчивая мирными водами, мягко

плещущимися о корпус «Эсмеральды». Шаткие пристани на острове Трисда, откуда Телла была родом, казались хрупкими косточками по сравнению с широким и как будто живым причалом, простирающимся перед ней сейчас в окружении клиперов и шхун с развевающимися флагами, зелеными, как хвост русалки. Некоторые находились под командованием женщин-моряков, одетых в смелые гладкие кожаные юбки и высокие сапоги до бедер.

Телле здесь уже нравилось. Вытянув шею, чтобы посмотреть вверх, она напитала свое воображение новыми образами.

Прежде ей доводилось слышать, что в Валенде есть небесные кареты, которые летают над холмистым городом, подобно птицам, но, увидев их своими глазами, она испытала ни с чем несравнимый восторг. Эти экипажи двигались по темнеющему лавандовому небу с грацией нарисованных облаков, подпрыгивая вверх и вниз всполохами орхидеи, топаза, пурпурного, сиреневого, кукурузного, мяты и других оттенков, которых Телле прежде видеть не доводилось. На самом деле экипажи не столько летали, сколько перемещались, подвешенные на толстых тросах, которые пересекали различные районы Валенды.

– Идем же, – поторопила Скарлетт, сжимая руку Хулиана и спускаясь вместе с ним по многолюдному причалу. – За нами пошлют несколько небесных карет, которые доставят прямиком во дворец. Нельзя их пропустить.

«Эсмеральда» прибыла с опозданием, поэтому труппе приходилось двигаться в ускоренном темпе. То и дело слышались возгласы: «Эй, поосторожнее там!» и «Смотри, куда идешь!». Телла быстро перебирала своими короткими ножками, стараясь не отставать. В руках она сжимала маленький сундучок, в котором хранился Аракл и украденные у отца монеты – все ее состояние.

– Прошу прощения! – В начале причала появился маленький мальчик, одетый как посыльный. – Это вы сударыня Донателла Дранья?

– Да, – подтвердила Телла.

Мальчишка поманил ее к горе бочонков на краю другого причала, но Телла не собиралась идти за ним. Хотя на самом деле она никогда до конца не верила бабушкиным рассказам о том, насколько опасными могут быть для девушки улицы Валенды, не могла не понимать, как легко в порту похитить человека.

Всего-то и нужно, что затащить его на корабль и запихнуть в трюм, пока все смотрят в другую сторону.

– Мне нужно догнать сестру, – сказала она.

– Пожалуйста, сударыня, не убегайте. Мне не заплатят, если вы уйдете. – Юный посыльный показал ей конверт, запечатанный кружком золотого воска, оттиск на котором образовывал замысловатую комбинацию из кинжалов и сломанных мечей. Телла мгновенно ее узнала. Послание от ее друга.

Только откуда ему стало известно, что она в Валенде?

Словно отвечая на невысказанный вопрос, монета невезения начала пульсировать у нее в кармане, точно бьющееся сердце. Должно быть, с ее помощью друг и выследил Теллу – еще одно доказательство, насколько искусен он в поиске людей.

Телла крикнула вслед удаляющимся Скарлетт и Хулиану, что догонит их позже, и поспешила на другой причал вслед за мальчишкой-посыльным. Оказавшись за грудой тяжелых бочек, он быстро передал Телле конверт, и бросился бежать со всех ног, прежде чем она успела сломать печать.

Внутри обнаружились два листа бумаги. Первый был исписан знакомым почерком:

Добро пожаловать в Валенду, Донателла!

Приношу свои извинения за то, что не смог поприветствовать Вас лично, но не волнуйтесь, мне недолго осталось пробыть незнакомцем. Уверен, что Вам так же не терпится найти свою мать, как мне – узнать настоящее имя Легендо.

Зная Вас, я предполагаю, что Вы будете участвовать в Каравале, но на всякий случай прилагаю приглашение на празднование первой ночи.

Захватите монету, которую я Вам дал, с собой на бал. До наступления полуночи держите ее в ладони, и я обязательно найду Вас. Не опаздывайте, поскольку я

надолго не задержусь.

До скорой встречи.

Друг

Телла вытащила из конверта второй листок. Это оказалась отливающая перламутром страница, покрытая замысловатыми чернильно-синими письменами:

Легендо выбрал Вас, чтобы сыграть в игру, которая может изменить Вашу судьбу.

В честь 75-летия императрицы Элантины в течение шести волшебных ночей Караваль развернется на улицах Валенды.

Ваше приключение начнется на Судьбоносном балу в замке Идиллуайлд.

Официальное открытие игры состоится в полночь на 30-й день Сезона Произрастания, а завершение – на рассвете в День Элантины.

«Тридцатое число – это завтра, – подумала Телла. – Я еще не буду готова встретиться со своим другом».

Найджел сказал, что единственный способ раскрыть настоящее имя Легендо – стать победителем в Каравале. Следовательно, ей потребуется неделя, чтобы сыграть – и выиграть – в эту игру. Ее друг, несомненно, предоставит ей еще одну неделю.

Но что, если он скажет «нет» и откажется воссоединить ее с матерью?

Причал закачался от обрушившейся на него волны, но даже после того, как он снова обрел равновесие, Телла продолжала ощущать дрожь в ногах. Как будто судьба моргнула, изменив уготованное ей будущее.

Телла быстро поставила маленький сундучок, который до сих пор держала в руках, на доски причала. Надежно скрытая за бочками от посторонних глаз, она откинула крышку. Ее не остановило бы, даже наблюдай за ней целая толпа людей. Нужно было во что бы то ни стало проверить Аракла!

Обычно, когда она доставала эту карту, у нее покалывало пальцы, но когда она коснулась бумажного прямоугольничка в этот раз, они онемели – все тело онемело, ведь Телла увидела новое изображение. Ее мать больше не была заперта за тюремной решеткой: губы ее посинели, а кожа сделалась мертвенно-бледной, как у покойницы.

Телла так крепко сжала карту, что та неминуемо должна была смяться. Но волшебный прямоугольничек ничуть не пострадал. Телла осела на влажные бочки.

Должно быть, произошло что-то новое, что изменило будущее Паломы. Последние четыре дня Телла проспала. Едва ли такая перемена явилась результатом ее поступков, если только не была связана с разговором, который состоялся у нее с Найджелом.

Хулиан ведь предупреждал, что прорицатели играют с будущим. Возможно, Найджел почувствовал в судьбе Теллы нечто такое, что ставило под угрозу Легендо. Или, быть может, сам магистр захотел подшутить над ней за попытку раскрыть его самый тщательно охраняемый секрет, и, что бы Легендо сейчас ни планировал, это уже изменило судьбу Паломы.

Эта мысль должна была напугать Теллу, ведь магистра Караваля опасно иметь в числе своих врагов. Но из духа противоречия ей еще сильнее захотелось сыграть в его игру. Просто нужно убедить своего друга дать ей еще неделю, чтобы она смогла одержать победу в Каравале, узнать имя Легендо и спасти жизнь своей матери.

* * *

К тому времени, как Телла добралась до каретного сарая, ночь уже накрыла город своим плащом. Снаружи было прохладно и свежо, зато внутри воздух благоухал и, казалось, клубился в янтарном свете фонарей.

Телла проходила мимо рядов разноцветных карет, крепящихся к толстым тросам, протянутым в разные части города. Ведущая во дворец линия оказалась в самом конце, а вот Скарлетт нигде не было видно. Телла же сказала сестре, что догонит их с Хулианом – странно, что ее не дождались!

Висящая перед Теллой карета покачнулась, когда дородный кучер открыл дверцу цвета слоновой кости и помог ей сесть. Внутренняя обстановка оказалась очень уютной: здесь было множество желтых, как сливочное масло, подушечек с синей отделкой, под стать висящим на овальных окошках занавесям.

Единственным другим пассажиром был золотоволосый молодой человек, которого Телла не узнала.

Исполнители Легендо отплыли в Валенду на двух кораблях, и Телла не сомневалась, что среди них найдется много таких, кого она никогда не видела. Но этот юноша, как она подозревала, вообще не являлся артистом Караваля. Судя по виду, он был всего несколькими годами старше нее, но выглядел так, словно целый век упражнялся в искусстве равнодушия. Он полулежал, развалившись на плюшевых кожаных сиденьях, и даже его помятый бархатный сюртук казался скучающим.

Намеренно отвернувшись от Теллы, он откусил от ярко-белого яблока.

– Тебе здесь не место.

– Прошу прощения?

– Ты все слышала. Выходи!

Его протяжный говор был таким же ленивым, как и бесцеремонная поза, наводя Теллу на мысль, что либо этот молодой человек и правда ко всему безразличен, либо настолько привык к беспрекословному повиновению, что даже не утруждал себя командными нотками в голосе.

«Ах ты, избалованный дворянин!» разозлилась Телла.

Она никогда не встречала аристократа, который бы ей понравился. Они часто вершили свои грязные делишки с ее отцом, предлагая ему деньги, но никогда не проявляли уважения и все как один считали, что имеющиеся в их жилах несколько капель королевской крови возносят их над простыми смертными.

– Вот сам и выходи, если не хочешь со мной ехать, – огрызнулась она.

Молодой дворянин в ответ слегка склонил свою златокудрую голову и медленно усмехнулся, как будто добрался до мучнистой части яблока.

«Давай же, выбирайся из кареты! – предупреждающе произнес внутренний голос. – Этот парень опаснее, чем кажется». Но Телла не собиралась терпеть издевательства со стороны человека, которому лень было даже откинуть волосы с налитых кровью глаз. Она терпеть не могла, когда люди, прикрываясь богатством или титулом, плохо обращались с другими, поскольку это слишком сильно напоминало ей об отце. Карета между тем начала подниматься, с каждым быстрым ударом сердца Теллы взлетая все выше в ночное небо.

– Ты, должно быть, одна из артисток Легендо. – Слова молодого человека прозвучали жестоко и насмешливо. Он наклонился к Телле, обдав ее резким запахом яблок и раздражения. – Думаю, ты сможешь помочь мне кое в чем, что давно меня интересует, – продолжил он. – Я слышал, исполнители Караваля никогда по-настоящему не умирают, и подумал, не вытолкнуть ли тебя из кареты? Вот и проверю, верны ли слухи.

Телла не знала, угрожает ли он ей всерьез, но удержаться от ответной колкости было выше ее сил:

– Ничего-то ты таким способом не узнаешь, поскольку я вытолкну тебя первым.

Он молниеносно улыбнулся, отчего на щеках появились ямочки, которые при иных обстоятельствах Телла сочла бы очаровательными, но теперь они казались недобрыми, как мерцание драгоценного камня в рукояти обоюдоострого меча. Она никак не могла решить, были ли его черты слишком резкими, чтобы считаться привлекательными, или просто он из тех разрушительных красавцев, на которых больно смотреть, и которые не преминут перерезать горло, пока жертва как зачарованная глядит в его холодные, точно ртуть, глаза.

– Будь осторожна, милочка. Спешу тебя предупредить: хоть ты и гостья императрицы, немногие при ее дворе проявят к тебе такую же снисходительность, как я сейчас. А я, строго говоря, никогда никого не прощаю.

Хрусть! Своими острыми зубами он откусил еще кусочек белого яблока, после чего разжал руку и уронил огрызок прямо Телле на туфельки.

Телла пнула многострадальные остатки яблока в сторону обидчика и сделала вид, что ее нисколько не беспокоит, выполнит он свою угрозу или нет. Она даже рискнула демонстративно отвернуться к окну и стала смотреть на проплывающий внизу город. Должно быть, ее хитрость удалась: краем глаза она заметила, что молодой человек прикрыл веки.

Некоторые районы Валенды имели скандальную репутацию, как, например, квартал Пряностей, где, по слухам, можно было найти восхитительные, но запрещенные вещи, или район Храмов, в котором исповедовались различные религии – предположительно, там имелась даже Церковь Легендо.

В темноте разглядеть что-либо отчетливо было невозможно, но Телла не оставляла этого занятия до тех пор, пока карета не начала спускаться к дворцу. Наконец ей удалось различить нечто большее, чем сверкающие в небе тусклые звездные огни.

«Лгут книги сказок», подумала она.

Замки или дворцы Теллу никогда особо не интересовали. Это Скарлетт мечтала о том, чтобы богатый дворянин или молодой король увез ее в уединенную каменную крепость. Для Скарлетт замки были дарующими защиту бастионами безопасности, но Телла видела в них лишь замаскированные тюрьмы, идеально подходящие для наблюдения, контроля и наказания. Они были увеличенными

версиями удушающего имения отца на Трисде, не лучше клетки.

Карета продолжала медленно снижаться, и Телла задумалась, не слишком ли она поспешила с суждениями.

Она всегда представляла себе замки сложенными из серого камня, с неизменным запахом плесени в затхлых коридорах, но похожий на шкатулку с драгоценностями дворец Элантины сиял в ночи, точно похищенное из логова дракона сокровище.

Телле показалось, что молодой дворянин фыркнул – вероятно, она все же не сумела сдержать возгласа восхищения, но ей было все равно. По ее мнению, человек, не способный оценить красоту, достоин жалости.

Дворец Элантины располагался на вершине самого высокого холма Валенды. В его центре возвышалась знаменитая золотая башня, светящаяся, точно маяк, медными и коралловыми огнями. Царственная и прямая по всей длине, на верхушке она имела форму короны и как две капли воды походила на Утраченную Башню из Колоды Судьбы.

Телла затаила дыхание. Эта башня была самым высоким зданием, которое она когда-либо видела, и каким-то непостижимым образом казалась живой. Она властвовала над городом, как не подверженный тлетворному влиянию времени правитель, и была окружена пятью изогнутыми крыльями, украшенными драгоценными камнями, которые простирались от башни в разные стороны, как лучи звезды. И Телле выпала возможность целую неделю прожить внутри этой звезды!

Когда экипаж наконец приземлился, Телла едва не подпрыгивала на сидении, позабыв об усталости. Она поспешно выскользнула в похожий на пещеру каретный сарай, а ее безразличный ко всему попутчик не удостоил ее на прощанье ни единым словом.

Телла гадала, прибыла ли она последней? Единственным доносящимся до ее слуха звуком был натужный скрип зубчатых колес, приводящих в движение канаты. Ни одного из исполнителей Легендо видно не было – и ее сестры тоже. Тут между рядами раскачивающихся карет обнаружились несколько облаченных в доспехи стражников с бесстрастными лицами.

Один страж следил за каждым движением Теллы: когда она вышла из кареты и вступила в роскошные владения императрицы, вслед ей несся звон его доспехов.

Хоть труппа Легендо и считалась гостями Элантины, когда Телла проходила мимо обнесенных раскрошившимися от времени каменными заборами садов с фигурно подстриженными кустами, у нее сложилось впечатление, что императрица не доверяет своим посетителям. Это заставило Теллу задуматься, почему она пригласила их остаться во дворце и выступить на ее дне рождения.

Телла слышала, что в молодости Элантина любила всякие дикие выходки. Однажды она пробралась в запретный квартал Пряностей и притворилась простолюдинкой, намереваясь пережить всевозможные скандальные приключения и даже вступить в романтические отношения. К сожалению, к тому времени, как на свет появилась Телла, императрица уже остепенилась. Возможно, приглашение в Валенду Легендо и его труппы было ее способом снова проявить безрассудство. С другой стороны, едва ли бездумный правитель столько лет провел бы на троне.

Внутреннее убранство дворца показалось Телле даже более великолепным, чем его сверкающая драгоценностями внешняя часть. Все здесь было невероятно большим, как будто Мойры создали это строение исключительно для того, чтобы явить свою мощь, а затем просто оставили его и исчезли. Проходя мимо голубых кварцевых колонн в обхвате толще ствола дуба и хрустальных масляных светильников высотой с человека, Телла видела свое отражение в сверкающих полах из лазурита.

Слуги сновали вверх и вниз по массивной мраморной лестнице, словно снежинки, но Телла снова не заметила никаких признаков своей сестры или других исполнителей.

– Добро пожаловать! – Перед ней как по волшебству появилась женщина, одетая в платье благородного синего оттенка. – Я главная смотрительница сапфирового крыла.

– Донателла Дранья, – представилась в ответ Телла. – Я приехала с труппой магистра Легендо, но, боюсь, немного задержалась по дороге.

– Я бы сказала, что задержались вы не немного, а основательно, – ответствовала смотрительница.

Однако слова эти были сказаны с улыбкой, принесшей Телле некоторое облегчение. Тихонько напевая себе под нос, женщина сверилась со списком у себя в руках. Внезапно приятная мелодия стихла. Следом исчезла и улыбка смотрительницы.

– Не могли бы вы еще раз повторить свое имя?

– Донателла Дранья.

– Здесь числится только Скарлетт Дранья.

– Это моя сестра.

Женщина подняла глаза и быстро посмотрела на сопровождавшего Теллу стражника.

– Ваша сестра, возможно, и желанная гостья, но, боюсь, самой вас в списках нет. Вы уверены, что вас пригласили?

Глава 8

Нет, специально Теллу во дворец не приглашали, но если Скарлетт значится среди гостей, то и она тоже должна быть! Опять Легендо играет с ней в свои игры! Вероятно, он вычеркнул ее из списка после того, как она поговорила с Найджелом.

Она глубоко вздохнула, стараясь не нервничать, хотя, казалось, все слуги в крыле слышат, как колотится ее сердце. Стражнику, который сопровождал ее сюда, ничего не стоило вышвырнуть ее в ночь. Никто бы ничего и не заметил – по крайней мере, сразу – учитывая, как часто Телла исчезала намеренно. Даже в настоящий момент она была разлучена со Скарлетт и всеми остальными, кого знала в Валенде.

– Моя сестра, – предприняла Телла еще одну попытку. – Ее поселили во дворце. Я могла бы пожить с ней в одной комнате.

– Это совершенно неприемлемо, – ответила смотрительница более жестким, чем раньше, тоном.

– Не понимаю почему, – возразила Телла. – Моя сестра, во всяком случае, возражать бы не стала.

– И кто же ваша сестра такая? Уж точно не монаршая особа, правящая пятой частью света?

Телла едва сдержалась, чтобы не огрызнуться, от чего ее еще быстрее выгнали бы прочь. Вместо этого она спросила елейным голоском:

– Как насчет другого крыла? В таком большом дворце наверняка найдется одна свободная комната.

– Даже если бы это было так, остаться вы все равно бы не смогли, потому что вас нет в списке гостей.

При этих словах стражник подошел ближе, оглашая изысканный вестибюль лязганьем своих доспехов.

Телле пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы не повысить голос. Вместо этого она притворилась, что вот-вот разрыдается: губы задрожали, глаза наполнились слезами.

– Прошу вас, смилуйтесь! Мне больше некуда идти, – взмолилась она, надеясь, что где-то под накрахмаленным платьем у этой женщины есть сердце. – Просто найдите мою сестру и позвольте мне остаться с ней.

Поджав губы, смотрительница окинула Донателлу оценивающим взглядом.

– Здесь я вам позволить остаться не могу, но, возможно, в комнатах для прислуги найдется свободная койка или гнездо.

Заслышав эти слова, следивший за ней стражник вдруг хихикнул. У Теллы упало сердце. «Что еще за гнездо в комнатах для прислуги?» мысленно удивилась она.

– Прошу прощения! – пророкотал у нее за спиной низкий мужской голос, от которого у Теллы волосы на затылке встали дыбом, а желудок сначала камнем ухнул вниз, а затем завязался узлом. Подобное воздействие на нее мог оказать тембр одного-единственного человека.

Данте! Он подошел к ней с самым невозмутимым видом, как обычно, с головы до ног одетый в черное и с неизменными татуировками на руках. В его лучистых глазах сверкали веселые искорки.

– Что-то не так с размещением? – поинтересовался он.

– Вовсе нет, – ответила Телла, гадая про себя, не покраснели ли у нее от смущения щеки. Хоть бы Данте не слышал ее разговора со смотрительницей! – Была небольшая путаница, но она уже решена.

– Какое облегчение! А то мне показалось, будто смотрительница грозилась отвести вас в помещение для прислуги.

– Только если там найдется место, – тут же ввернула суровая дама.

Позеленевшая от ужаса Телла готова была сквозь лазурный пол провалиться, но, к ее удивлению, Данте, которому обычно нравилось смеяться над ней, на сей раз даже уголка рта не скривил. Вместо этого он в упор посмотрел на смотрительницу и негодующе воскликнул:

– Известно ли вам, кто эта молодая дама такая?

– Прошу прощения, – сказала та, – а сам вы кем будете?

– Я присматриваю за исполнителями Легендо. – Теперь голос Данте звучал еще более высокомерно, чем обычно, так что Телла не могла понять, говорит ли он правду или сочиняет ложь. – Но эту девушку помещать в комнату для прислуги я бы вам не советовал.

– Отчего же? – спросила смотрительница.

– Оттого, что она помолвлена с наследником престола Меридианной империи.

Суровая дама настороженно нахмурила брови, и Телла хотела было сделать то же самое, но сумела быстро скрыть удивление за надменным выражением, которое, по ее мнению, вполне подходило невесте королевского наследника.

В действительности, Телла даже не знала, кто им нынче является. У Элантины детей не было, а претендентов на престол убивали скорее, чем новости успевали дойти до бывшего дома Теллы на отдаленном острове Трисда. Но ей было все равно, кто ее мнимый жених, лишь бы не спать в каком-то там «гнезде».

К сожалению, главная смотрительница по-прежнему была настроена скептически.

– Я и не знала, что у его высочества появилась новая невеста, – заявила она.

– Потому что это хранится в тайне, – с легкостью солгал Данте. – Полагаю, он собирается объявить о помолвке во время следующего торжества. Поэтому и вам советую держать рот на замке. Вы, я уверен, наслышаны о его характере.

Смотрительница напряглась. Взгляд ее метался от Данте к Телле и обратно. Совершенно очевидно, она им обоим не доверяла, но страх перед крутым нравом наследника, должно быть, одержал победу над здравым смыслом.

– Я еще раз проверю, не найдется ли свободной комнаты, – сказала она. – Все занято в связи с праздничными мероприятиями, но, возможно, кто-то из приглашенных не приехал.

Как только она ушла, Данте снова повернулся к Телле, наклонившись поближе, чтобы никто из любопытствующих слуг не смог подслушать:

– Не спеши меня благодарить.

Именно так Телла и хотела поступить, но после подобной реплики заподозрила, что Данте вовсе не одолжение ей сделал, а совсем наоборот.

– Никак не пойму, то ли ты только что спас меня, то ли поставил в еще более неловкое положение.

– Я нашел тебе комнату, не так ли?

– И также приписал мне раздражительного жениха.

Он приподнял уголок губ.

– А ты бы предпочла притвориться моей невестой? Сначала я так и хотел сказать, но подумал, что это будет не лучшим выбором, поскольку… Что ты тогда наговорила своей сестре? – Он задумчиво постучал пальцем по гладкому подбородку. – Ах да! Цитирую: «Это было ужасно, худшие поцелуи в моей жизни, повторения которых я определенно не жажду!»

Телла почувствовала, что бледнеет. Кровь Господня! Нет у Данте ни стыда, ни совести.

– Ты подслушивал!

– Мне не пришлось этого делать, поскольку ты изъяснялась довольно громко.

Телла хотела было сказать, что не имела этого в виду – неужели он не понимает? – но ей вовсе не хотелось поощрять и без того раздутое самомнение Данте.

– Так, значит, теперь ты мне мстишь?

Он склонился к ней еще ближе, и Телла поняла, что на смену насмешливости пришло иное, куда более глубокое, темное и опасное чувство. Он подчеркнуто медленно провел своим теплым пальцем по ее ключице, отчего у Теллы сбилось дыхание. И все же она не отстранилась, даже когда его глаза оказались почти на одном уровне с ее, так близко, что она почувствовала трепет его ресниц.

– Давай считать, что теперь мы квиты. – Данте приблизил губы к уголку ее рта, но за мгновение до касания отстранился. – Ох, нет. Я бы не хотел повторять столь неприятное для тебя действо.

Не говоря больше ни слова, он важно удалился, и Телла, глядя ему вслед, заметила, что его широкие плечи трясутся, будто от смеха. Она почувствовала себя обманутой. После того, что только что сделал Данте, квиты они точно не были.

Через несколько быстрых ударов сердца вернулась главная смотрительница и, натянуто улыбнувшись, объявила:

– Кажется, у нас есть свободные покои в золотой башне Элантины.

Телла судорожно сглотнула. Возможно, Данте все-таки оказал ей услугу.

Если не принимать в расчет бесчисленные городские руины, золотая башня Элантины являлась самым старым сооружением во всей империи.

По слухам, стены ее были из чистого золота, а внутри имелось множество всевозможных потайных ходов, с помощью которых правители могли ускользать из дворца. Многие считали, что золотая башня – не просто копия Утраченной Башни из Колоды Судьбы, но подлинная твердыня с сокрытой внутри древней магией, ждущей своего часа.

– Обычно гости в башню не допускаются, – изрекла смотрительница, выводя Теллу из сапфирового крыла в стеклянный двор, где причудливо одетые люди прогуливались группками под переливчатыми арками и хрустальными деревьями с серебряными листьями. Выросшая на отдаленном завоеванном острове и незнакомая с дворцовой культурой, Телла задумалась, придворные ли это или просто другие гости, о которых упоминала ее суровая провожатая.

– Посетителей вам принимать нельзя, – продолжила между тем смотрительница. – Даже жених не будет допущен в ваши покои.

Телла хотела было сказать, что ей и в голову не пришло бы позволять юноше войти в свою комнату, но, вероятно, не стоило нагромождать друг на друга

слишком много лжи, в противном случае вся шаткая конструкция рисковала обрушиться.

В конце двора обнаружились единственные двойные двери, ведущие в золотую башню, такие огромные и тяжелые, что каждую из створок удавалось открыть лишь совместными усилиями трех часовых.

Телла и не заметила, что стражник из каретного сарая все еще следует за ней, пока ему не велели оставаться снаружи, пропуская Теллу со смотрительницей внутрь. Либо весть о помолвке столь быстро разнеслась по дворцу, либо эта суровая дама и впрямь была такой важной, какой себя считала. Телла надеялась на последнее, потому что как только настоящий наследник раскроет ее уловку, ее наверняка разоблачат и вышвырнут из дворца – или того хуже. А до тех пор, пока этого не случилось, она решила наслаждаться происходящим.

Вопреки рассказам, внутренняя часть башни была вовсе не золотой, но довольно ветхой. Даже воздух пах седой стариной, полной забытых историй и ушедших слов. Нижний уровень подпирали старые каменные колонны, местами щербатые, и декоративные капители, вырезанные в виде двуликих женщин. Пространство освещалось потрескивающими черными факелами, пахнущими ладаном и заклинаниями.

Смотрительница вела ее вверх этаж за этажом, и везде полы скрипели у них под ногами. Дверь, перед которой они наконец остановились, выглядела такой старой, что, как показалось Телле, от одного прикосновения могла слететь с петель.

«Неудивительно, что здесь никогда не останавливались гости», подумала она.

– У вашей двери всегда будет дежурить охранник. – Смотрительница позвонила в висящий у нее на шее колокольчик, вызвав часового в кольчуге из белого металла. – Я бы не хотела, чтобы с невестой наследника что-нибудь случилось!

– Сильно сомневаюсь, что вы сейчас говорите искренне, – парировала Телла.

Ее провожатая снова заулыбалась, и ее улыбка медленно расползлась по губам, как пятно.

– По крайней мере, вы сообразительнее, чем кажетесь. Но если вы действительно помолвлены с наследником, то опасаться следует вовсе не стражей ее величества.

– Я вообще не верю, что нужно чего-то бояться.

Телла захлопнула дверь, оставив смотрительницу в коридоре, чтобы больше не слышать ее колкостей. К тому же, она не доверяла и собственному языку, вполне способному сболтнуть лишнее.

Неразумно было расстраивать эту суровую даму – как, впрочем, и лгать о том, что является невестой королевского наследника. Похоже, за это ей придется поквитаться с Данте.

С другой стороны, его стараниями она получила фантастические покои. Башня, возможно, в самом деле очень древняя, зато жить ей предстоит в роскоши.

Лунный свет свободно проникал в окна, заливая все вокруг мечтательным сиянием. Кто-то заботливо поставил на один из изящных стеклянных столиков в гостиной поднос со сладостями. Телла взяла печенье в форме звезды и, пройдя мимо двух каминов из белого камня, оказалась в великолепной спальне с застеленным голубыми коврами полом. Они сочетались с тяжелыми занавесями, свисающими с уютной кровати с балдахином. Телле немедленно захотелось рухнуть на нее и прогнать все проблемы сном.

Но сначала нужно написать Скарлетт и сообщить, что она… Тут откуда-то из-за угла донеслись два голоса, и взгляд Теллы метнулся к приоткрытой двери, которая, вероятно, вела в ванную комнату.

Она снова услышала шепот. Должно быть, это служанки, которые и не догадываются о присутствии Теллы. Один голос был легким и щебечущим, другой теплым и мягким – как будто маленькая птичка разговаривала с пухлым кроликом.

– Мне, честно говоря, ее жаль, – заметила девушка-кролик.

– Хочешь сказать, что не мечтала бы о помолвке с наследником? – защебетала птичка. – Ты его видела?

– Мне все равно, как он выглядит. Он убийца. Всем известно, что между ним и троном императрицы Элантины стояло семнадцать человек, и все они один за другим умерли ужасной насильственной смертью.

– Но это не значит, что их всех убил он.

– Ну, не знаю, – пробормотала девушка-кролик. – Я слышала, он даже не благородных кровей, но так опасен, что настоящий наследник и не помышляет перебежать ему дорожку.

– Не болтай глупостей, Барли! – Девушка-птичка пронзительно рассмеялась. – Нельзя же верить всему, что слышишь.

– А как насчет слухов о том, что именно он убил свою последнюю невесту?

Обе служанки резко замолчали, и Телле вдруг показалось, что в воцарившейся напряженной тишине раздался хриплый хохот смерти. Он заскрежетал, как врезающийся в кость ржавый металл. Тот же самый звук она слышала, спрыгнув во время Караваля с балкона. Жуткое приветствие того, кто входит в сумеречный чертог, теперь служило леденящим душу напоминанием о времени, когда и она сама принадлежала смерти, которая теперь хочет ее вернуть.

Определенно, Данте заслуживает смерти! Медленной. Уж Телла постарается! Возможно, она воспользовалась бы для этой цели своими атласными перчатками: обвязала бы их вокруг его шеи, а затем голыми руками придушила бы. Этот угрюмый ублюдок не только навязал ей мнимого жениха со скверным характером – он выбрал убийцу! Возможно, Телла и оценила бы его тонкую задумку, не будь его месть направлена на нее саму.

Глава 9

На следующее утро, с трудом выбравшись из кровати, Телла продолжала обдумывать разные способы навредить или смутить Данте. Например, она могла бы подойти к нему на балу, знаменующем начало Караваля, и якобы случайно пролить на него вино. Конечно, поскольку Данте так любит черный цвет, это может быть пустой тратой вина и, скорее всего, ее просто сочтут неуклюжей.

С другой стороны, можно заставить его ревновать, облачившись в сногсшибательный наряд и придя под ручку с каким-нибудь красивым парнем. Однако едва ли ей удастся за такое короткое время найти привлекательного молодого человека, который согласился бы отправиться с ней на бал, да и заставить Данте ревновать не входило в число ее насущных задач.

Что ей действительно необходимо, так это встретиться со своим таинственным другом до полуночи и убедить его дать ей еще неделю, чтобы принять участие в Каравале, победить и раскрыть подлинное имя Легендо.

Тогда она снова увидит свою мать.

Прошло так много времени, что Телла больше не могла вспомнить звук голоса Паломы, но знала, что он был одновременно сладким и твердым. Иногда она скучала по нему так сильно, что отдала бы все на свете, лишь бы снова его услышать.

– Сударыня! – Часовой громко постучал в дверь. – Вам посылка.

– Минутку! – Телла осмотрелась по сторонам в поисках своих сундуков, в которых хранились платья, но те, очевидно, либо потерялись, либо еще не были доставлены в башню. При ней имелся лишь уродливый маленький сундучок, который она носила с собой с тех пор, как сошла с судна, но никакой чистой одежды она в него не положила.

Натянув то же платье, в котором ходила накануне, Телла открыла дверь. Лица стражника не было видно из-за жемчужно-белой коробки, которую он держал в руках: высотой со свадебный торт и увенчанную огромным бархатным бантом, похожим на глазурь.

– Кто это прислал? – поинтересовалась Телла.

– Там есть записка. – Стражник поставил коробку на низкий диванчик со светлой обивкой.

Как только он ушел, Телла достала продолговатый пергаментный конверт. Кожу ее не покалывало от магии, но что-то – она чувствовала это – определенно было не так. Хотя коробка белизной не уступала целомудренным поцелуям и чистым помыслам, с появлением подарка в гостиной как будто стало темнее. Солнечный свет больше не проникал в окна, сменившись полумраком, который окрасил элегантную мебель в тревожные оттенки зеленого.

Телла с опаской вскрыла конверт. Послание было написано крупными печатными буквами:

ДРАЖАЙШАЯ МОЯ НЕВЕСТА!

КАКИМ СЮРПРИЗОМ БЫЛО УСЛЫШАТЬ О ТВОЕМ ПРИЕЗДЕ – Я ОПАСАЛСЯ, ЧТО МНЕ НЕ С КЕМ БУДЕТ ТАНЦЕВАТЬ НА СУДЬБОНОСНОМ БАЛУ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ. НАДЕЮСЬ, ТЫ НЕ ВОЗРАЖАЕШЬ, ЧТО Я САМ ВЫБРАЛ ДЛЯ ТЕБЯ ПЛАТЬЕ. Я ХОЧУ БЫТЬ УВЕРЕН, ЧТО СРАЗУ ЗАМЕЧУ ТЕБЯ В ТОЛПЕ. НЕ ХОТЕЛ БЫ ВЫСЛЕЖИВАТЬ ТЕБЯ ДО ТОГО, КАК МЫ ОФИЦИАЛЬНО ОБЪЯВИМ О НАШЕЙ ПОМОЛВКЕ.

ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ.

Подписи не было, но Телла и так догадалась, от кого это письмо. От наследника Элантины. Похоже, во дворце у него повсюду шпионы.

Ничего хорошего из этого обмана не выйдет.

Липкими от пота пальцами она сорвала крышку с коробки, подспудно ожидая обнаружить траурный наряд или что-нибудь еще не менее чудовищное. Но, к ее удивлению, платье нисколько не выглядело угрожающим, но напоминало фантазию садовой нимфы.

Роскошный пышный подол был образован крупными завитками небесно-голубых пионов, причем цветы оказались настоящими и источали сладкий стойкий

аромат. Ни один не был похож на другой ни по размеру, ни по тончайшим оттенкам цвета. Некоторые были еще не распустившимися фиолетово-голубоватыми бутонами, другие уже явили миру свою нежную красу. Телла представила, как, танцуя, оставляет за собой дорожку из цветочных лепестков.

Бледно-голубой лиф платья казался еще более воздушным, почти прозрачным. На груди имелась замысловатая сапфировая вышивка, которая превращалась в бисерные нити, стекающие по обнаженной спине.

Не следовало даже думать о том, чтобы надеть этот наряд! Но какой же он великолепный, поистине царственный. Телла представила выражение лица Данте, когда она появится на балу, и впрямь похожая на невесту наследника престола.

То-то была бы идеальная месть!

Телла снова перечитала прилагавшуюся к платью записку и сочла ее довольно угрожающей, учитывая, кто ее написал. Хотя в действительности ничего зловещего в ней не содержалось – скорее, любопытство. Возможно, наследника впечатлила смелость ее заявления, и он захотел встретиться с ней лично. Надеть присланное им платье было чрезвычайно рискованным, но, как Телла любила говорить сестре, в жизни есть кое-что поважнее собственной безопасности.

Хотя, конечно, Телла не могла не задаваться вопросом, не слишком ли сильно она рискует нынче ночью?

Не успела она повесить платье на вешалку, как снова раздался стук в дверь – на этот раз другой стражник доставил записку от Скарлетт.

Дорогая Телла!

Я была рада узнать, что ты благополучно добралась до дворца, хотя и удивилась, что тебя поселили в золотой башне. Жду не дождусь рассказа о том, как это случилось! Надеюсь, ты не против, что я согласилась провести вторую половину дня с Хулианом. Но я по-прежнему собираюсь пойти с тобой на

Судьбоносный бал в честь начала Караваля. Давай встретимся в каменном саду за каретным сараем за час до полуночи.

С любовью, Скарлетт

Каким бы неправильным это ни казалось, послание от сестры встревожило Теллу куда сильнее, чем письмо от наследника престола. Она уж и забыла, что просила Скарлетт тоже принять участие в игре, поскольку это было до того, как ее друг назначил ей встречу на балу.

Телла плюхнулась обратно на кровать. Намерение сестры все усложнило бы.

Или придется раскрыть Скарлетт свои секреты.

От этой мысли Телла пришла в ужас. Сестра не обрадуется, узнав, что Армандо обманул ее во время Караваля, и что Телла разыскивала их мать. А уж что Скарлетт скажет о ее выдуманном женихе и вообразить страшно. Однако старшая сестра была самым преданным человеком из всех, кого знала Телла: она расстроилась бы, но все же помогла бы выиграть игру.

А победить Телле было совершенно необходимо.

Глава 10

Ночь уже вышла на прогулку в сопровождении своей верной спутницы-луны, когда Телла добралась до залитого звездным светом каменного сада, где должна была встретиться со Скарлетт перед началом их совместного грандиозного приключения.

Судьбоносный бал в замке Идиллуайлд знаменовал собой официальное начало Караваля, но, помимо него, празднования нынче ночью должны были состояться по всему городу, и на каждом будут розданы первые подсказки, чтобы люди со всей Валенды могли вступить в игру.

Воздух гудел от предвкушения и возбуждения. Телла чувствовала, как он ласкает кожу, как будто желая приобщиться ее бьющим через край эмоциям.

Обычно волнение Телле было не свойственно. Ей нравились сопутствующие риску острые ощущения, нравилось знать, что от совершенных ею смелых поступков само будущее затаивает дыхание, в то время как она просто закрывает глаза и наслаждается осознанием, что сделала выбор, способный изменить ход ее жизни. Только в такие мгновения она и обладала реальной властью.

Но Телла понимала также и то, что не каждая азартная игра окупается.

Она провела весь день, размышляя об этом и исследуя территорию дворца в безуспешных поисках секретных ходов, о которых ходили слухи. Она была почти уверена, что сегодняшний вечер пройдет так, как ей хочется. Скарлетт поймет, когда Телла раскроет свои секреты. Затем друг Теллы согласится дать ей неделю на то, чтобы сыграть в игру и раскрыть истинное имя Легендо. Тогда она сможет стереть ужасное будущее, показанное Араклом, и, наконец, узнать, кем на самом деле была ее мать и почему она ушла много лет назад.

Прежде Телле удавалось преуспеть в гораздо более хитроумных заговорах, и все же не могла избавиться от гнетущего предчувствия, что все ее планы вот-вот рухнут.

Она провела пальцами по спрятанной в кармане монете невезения. Таинственный друг сказал, что обязательно найдет ее, если у нее будет монета, и Телла задалась вопросом, прибыл ли он уже в замок Идиллуайлд, разыскивает ли ее.

Возможно, и наследник престола тоже ее ищет.

С губ Теллы сорвался нервный смешок. Она определенно была не в себе, но, по крайней мере, скоро к ней присоединится сестра.

Вдалеке прозвенел колокол, отбивая время – четверть двенадцатого. До официального начала Караваля оставалось меньше часа, следовательно, у Теллы совсем мало времени.

Ее друг хотел встретиться с ней на балу до полуночи.

А вот Скарлетт, увы, нигде не было видно.

Несколько небесно-голубых лепестков осыпались с цветочного платья Теллы. Начиная беспокоиться, она оглядела сад – не мелькнет ли где вишневый наряд сестры, – но ее единственными спутниками по-прежнему были лишь неподвижные статуи.

Как гласили легенды, во время необузданного правления Мойр статуи в каменном саду Элантины были настоящими людьми – в основном, слугами, чьи обязанности заключались в подрезании кустов, уходе за цветами и подметании дорожек. Позже их обратили в камень.

Говорили, что это сделала Неупокоенная Королева. Очевидно, имеющиеся садовые скульптуры не казались ей достаточно реалистичными, поэтому она попросила другую Мойру превратить в статуи живых слуг.

Телла посмотрела в широко раскрытые каменные глаза молодой служанки, и подумала, что и сама начинает паниковать не меньше. Скарлетт обычно не опаздывала. Другое дело, если она вообще не собиралась приходить – или с ней что-то случилось.

Нервничая, Телла подошла к краю сада, и, вытянув шею, посмотрела на обсаженную живой изгородью дорожку, ведущую обратно во дворец. Она могла бы воспользоваться ею, чтобы попытаться найти сестру, но по ней уже шел другой человек.

Данте.

И без того встревоженный желудок Теллы камнем ухнул вниз.

На сей раз вместо любимого черного цвета Данте облачился в темно-серый. Однако высокие сапоги и шелковый шейный платок были глубокого оттенка иссиня-черного дыма, под стать завиткам чернил на пальцах – он не надел перчаток. Выглядел он как только что разбуженный ураган или прекрасный кошмар, оживший, чтобы лично преследовать ее.

Телла хотела было спрятаться за одной из статуй. Предполагалось, что он заметит ее издалека – но только на балу. Что будет ослеплен ее необычным нарядом и воспылает ревностью, когда увидит, как она заигрывает с другими мужчинами. Чего Данте точно не следовало видеть, так этого того, как она нервничает, стоя в одиночестве в саду.

Она надеялась, что он пройдет мимо статуй, не заметив ее. Но взгляд Данте уже был прикован к ней, удерживал ее на месте, точно пара рук, обхвативших за талию. Приближаясь, Данте из-под полуприкрытых век рассматривал ее распущенные волосы и повязанную вокруг шеи ленту. Потемнев, его взгляд скользнул ниже.

Обычно Телла не краснела, но на сей раз почувствовала, как по щекам разливается румянец.

Подняв голову, Данте одарил ее улыбкой павшего ангела.

– Тебе следует всегда украшать себя цветами.

Несколько более скромных бутонов на ее платье наконец распустились, и Телла встретила взгляд Данте одной из своих самых ослепительных улыбок.

– Этот наряд я надела вовсе не для тебя. Его подарил мне жених.

Данте изогнул брови, но вовсе не из ревности, как она надеялась. Он посмотрел сначала на ее облачение – как на нечто грязное и непристойное, а затем на Теллу – как на помешанную.

– Будь осторожнее, не разбрасывайся словами.

– Отчего же? Ты ревнуешь и боишься, что кто-то еще, помимо смотрительницы, действительно может мне поверить? Или твоя нервозность объясняется тем, что наследник Элантины – жених, которого ты мне придумал, – кровожадный злодей, способный убить меня за то, что я утверждаю, будто мы помолвлены?

Не дав Данте возможности ответить, Телла поспешно ринулась мимо него, направляясь к ведущей во дворец дорожке, которая, как она надеялась, все же

выведет ее к сестре. Была уже половина двенадцатого, полночь стремительно приближалась. Ей нужно…

– Донателла! – Данте схватил ее за запястье, чтобы удержать. – Скажи мне, что ты не пойдешь на Судьбоносный бал в замке Идиллуайлд.

– Сказав это, я бы солгала.

Данте крепче сжал пальцами ее запястье.

– Откажись от этой затеи! Балы ведь проходят по всему городу – выбери другой!

– А почему не этот? – Телла отстранилась. – Мне нравится танцевать и угощаться лакомствами, и даже ты признал, что выгляжу я довольно эффектно. – Она покружилась, задев лепестками юбки его начищенные до блеска сапоги.

Данте бросил на нее такой уничижительный взгляд, что цветы, только что тянувшиеся к его брюкам, снова превратились в бутоны.

– Замок Идиллуайлд принадлежит наследнику Элантины. Ты хоть понимаешь, что с тобой там случится, если он узнает о твоем утверждении, будто ты его невеста?

– Пока нет, но жажду это выяснить. – Она сверкнула озорной улыбкой.

Шею Данте залила краска досады.

– Наследник Элантины необуздан; он убил всех, кто стоял между ним и троном. Если он хоть на секунду заподозрит в тебе соперницу, то тут же прикончит и тебя тоже.

Телла подавила желание вздрогнуть или съежиться. Умом она понимала, что надевать платье ради привлечения внимания наследника, возможно, было плохой идеей, но раз ее поступок встревожил Данте, значит, не следует считать его ошибкой.

– Разве, придумывая всю эту ложь, ты не желал, чтобы она сбылась?

Воцарилась такая тишина, что слышно было, как по саду пронесся порыв ледяного ветра, заставив Теллу осознать, насколько холодно вдруг сделалось на улице – совсем не по сезону. Впечатление такое, что погода встала на сторону Данте и настоятельно советовала Телле вернуться во дворец Элантины.

– Ты тогда казалась очень жалкой, – наконец сказал Данте. – Вот я и захотел помочь. Однако я был расстроен из-за того, что ты сказала на корабле, поэтому и выбрал худшего человека, которого мог себе представить, не подумав о последствиях.

Извиняться он не стал, лишь нахмурил свои густые брови. В глазах его при этом появилось что-то похожее на искреннее сожаление. Люди слишком легко разбрасываются словом «извините», как будто оно гроша ломаного не стоит, поэтому Телла не склонна была ему верить, но безмолвное раскаяние Данте тронуло ее, возможно, потому, что и сама на его месте поступила бы так же.

– Какая интересная пара! – В сад вышел Армандо, постукивая модной серебряной тростью по нескольким наиболее испуганным статуям.

– А ты тут что забыл? – рявкнул Данте.

– Хотел задать тебе тот же самый вопрос. – Учтивый голос, который Армандо использовал, изображая графа во время Караваля, сменился более грубым говором. Кивком головы с идеальной – волосок к волоску – прической указав сначала на Теллу, потом на Данте, он добавил: – Я думал, ты увлечен другой сестричкой, той, которая ханжа.

Телла инстинктивно размахнулась и залепила Армандо пощечину.

– Не смей так больше говорить о Скарлетт!

Армандо поднес затянутую в перчатку ладонь к щеке, на которой появился багровый след.

– Жаль, что ты не предупредила меня час назад. У твоей сестры рука еще тяжелее.

Теллу тут же затопила тревога.

– Ты говорил с ней!

– Похоже, она так до конца и не поняла, что Караваль – всего лишь игра. В общем, девушка она симпатичная, но не слишком умная.

– Осторожнее, – предупредил Данте. – Я оплеухой не ограничусь.

В пронзительных изумрудных глазах Армандо заплясали веселые искорки.

– А ты, похоже, и правда запал на младшенькую. Или дело в том, что Легендо заставляет тебя обхаживать ее точно так же, как Хулиан обхаживал ее сестру?

Телла хотела было снова его ударить, но Армандо проворно отступил.

– Позволь дать тебе добрый совет перед сегодняшним торжеством: не повторяй ошибок, которые Скарлетт допустила в прошлой игре. И ждать ее тоже не имеет смысла, – добавил он, шагая дальше. – Она совсем не обрадовалась, узнав, что я не был ее настоящим женихом. Когда я оставил ее и бедного Хулиана, страсти кипели, что вода в котле – и, думаю, до конца бала не утихнут.

– Ах, ты, грязный, жалкий… – Телла послала ему вдогонку череду ругательств, которых приличной девушке и знать-то не положено. Она уяснила, что во время Караваля ничему нельзя по-настоящему верить, но была убеждена, что даже в свободное от игры время Армандо был таким же мерзким, как и исполняемые им роли. – Я буду молиться, чтобы ангелы спустились на землю и отрезали ему язык.

Данте устремил взгляд в небо, и Телла готова была поклясться, что не одна звезда погасла навсегда, когда он сказал:

– Я уверен, что многие поблагодарили бы тебя за это.

Телла все еще клокотала от злости.

– Почему Легендо вообще держит его в труппе?

– Даже в самой хорошей истории нужен злодей.

– Лучшие злодеи получаются из тех, кому в действительности тайком симпатизируешь, да и бабушка моя любила повторять, что на Каравале только один злодей, и это Легендо.

Губы Данте скривились в подобии ухмылки.

– Ну, еще бы ей так не говорить!

– Хочешь сказать, что она лгала?

– Каждый либо ищет знакомства с Легендо, либо хочет сам им стать. Единственный способ уберечь невинных молодых девушек от побега на его поиски – это внушить им, что он чудовище. Однако это вовсе не означает, что все неправда.

Губы Данте растянулись в насмешливой улыбке, а темные глаза заблестели, снова устремившись к Телле.

Так этот негодяй дразнит ее! Или, возможно, он сам и есть Легендо и не может удержаться и не похвастаться тем, как все вокруг буквально помешаны на нем. Данте определенно красив и достаточно высокомерен, чтобы быть Легендо, но Телла полагала, что в первую ночь игры у магистра Караваля найдутся дела поважнее, чем мучить ее.

Вдалеке раздался еще один удар колокола. Через пятнадцать минут наступит полночь. Если Телла не уйдет отсюда сию минуту, то неминуемо опоздает на встречу со своим другом.

С ее стороны было неправильно сразу же не отправиться к Скарлетт; Телла могла только представить, как она расстроилась, узнав, как глубоко Армандо и все остальные обманули ее во время Караваля. Телле совсем не хотелось, чтобы сестре стало обо всем известно таким образом. Но ее таинственный друг уже на балу, а в своем письме он сказал, что будет ждать только до полуночи.

Телле было не по душе бросать сестру, но Скарлетт ее простит, чего нельзя сказать о друге, если бы она опоздала.

– Каким бы восхитительным ни было это рандеву, – обратилась она к Данте, – я опаздываю на праздник, да и тебе, полагаю, есть чем заняться.

Чтобы предвосхитить его попытку остановить ее, она побежала к садовой калитке. Направляясь к освещенному каретному сараю, Телла отметила про себя, что на небе погасло еще большее количество звезд. Слуга помог ей забраться в топазовую карету, все еще пахнущую духами предыдущего пассажира.

Данте скользнул внутрь следом за ней.

– Пожалуйста, перестань меня преследовать.

– Может быть, Армандо в кои-то веки был честен, и моя работа в том и состоит, чтобы повсюду ходить за тобой.

Данте растянулся на сиденье напротив, заняв своими длинными ногами практически все свободное пространство.

– Знаешь, что я думаю? – отозвалась Телла. – Ты просто ищешь предлог, чтобы провести со мной вечер.

Данте кривовато усмехнулся и медленно провел большим пальцем по нижней губе.

– Мне не хочется разбивать тебе сердце, но о девушках я думаю примерно так же, как, по-моему, ты думаешь о бальных платьях: никогда не стоит надевать одно и то же больше одного раза.

Если бы Телла могла вытолкнуть его из кареты и заменить вчерашним избалованным дворянином, то с удовольствием бы так и сделала. Вместо этого она одарила Данте своей самой милой улыбкой.

– Вот так совпадение! Я точно такого же мнения о молодых людях.

Мгновение Данте сверлил ее взглядом, затем рассмеялся восхитительно низким смехом, от которого у нее всегда сводило живот.

Пытаясь не обращать на него внимания, Телла отвернулась к окну. Карета тем временем взмыла в темную ночь. Она не знала, куда подевались все звезды, но за то время, пока шла из сада до экипажа, они исчезли, превратив небо в океан тьмы. Закопченный, черный и…

Внезапно чернильная бездна ночи взорвалась всполохами серебра.

Телла бросила взгляд в окно кареты как раз вовремя, чтобы увидеть, что потерянные звезды возвращаются. Сияя ярче, чем раньше, они танцевали, образуя новые созвездия. Она насчитала больше дюжины, и все они создавали один и тот же завораживающий образ – солнце с сияющей звездой внутри и сверкающей слезинкой внутри звезды. Символ Караваля.

Первая ночь Караваля

Глава 11

Телла однажды слышала, что во время одного из выступлений Легендо изменил цвет неба, но не думала, что он достаточно силен, чтобы повелевать звездами.

Если верить мифам, звезды – это не просто далекие светила, они древнее Мойр и являются столь же ужасными и могущественными, сколь завораживающими и волшебными. Но великий магистр каким-то образом управлял ими.

– Я удивлена, что Легендо не проделывает свои трюки с небом каждую ночь, – заметила Телла.

– Может, он так и делал бы, если бы мог, – будничным тоном отозвался Данте, но Телла заметила в его глазах проблеск какого-то более глубокого чувства, когда

он выглянул из окна кареты. – Магия подпитывается временем, кровью и эмоциями. Из-за надежд и мечтаний тех, кто посещает Караваль, во время игры сила Легендо многократно возрастает, вот он и меняет расположение созвездий. Сегодня вечером эмблема Караваля зависла в небе над различными празднествами и балами в честь начала игры, а завтра останется только одно созвездие, которое направит участников в район, где спрятана следующая подсказка.

Хотя формально Телла прежде не принимала участие в игре, прекрасно знала ее устройство. Первое правило, которое нужно запомнить, состояло в том, что Караваль – всего лишь игра. Действо происходило под покровом ночи, и в самом начале всем участникам давали одну и ту же подсказку, чтобы они отправились в путешествие, которое приведет их к другим инструкциям и в конечном итоге к призу. Во время прошлого Караваля Скарлетт нужно было собрать пять подсказок, и Телла предположила, что нечто подобное будет предложено и на этот раз.

Но сначала ей необходимо найти своего друга.

Экипаж совершил жесткую посадку, и сердце Теллы екнуло, когда она снова услышала колокольный звон, двенадцатью ударами возвещающий о наступлении полуночи.

Вынув из кармана и зажав в кулаке монету невезения, она молилась, чтобы ее таинственный друг подумал, будто она прибыла в замок Идиллуайлд вовремя.

Крепко сжимая монету, она огляделась по сторонам, но, не зная, как выглядит тот, кого она ждет, конечно, нигде его не увидела. Находящийся на возвышении замок освещался потрескивающими горящими факелами. Даже разрушающийся, он был похож на порождение чьей-то фантазии.

Под временными созвездиями Легендо гордо возвышались древние зубчатые стены из крошащегося белого песчаника, осыпающиеся парапеты и причудливые башни, увитые плетистыми красными розами с окрашенными в черный кончиками лепестков.

Телла подумала, что сверкающая крепость словно явилась из сна молодой девушки, а вода в окружающем ее рву была такой темной, что не отражала свет

звезд. Ей стало интересно, отчего так? То ли причудливый внешний вид замка был просто волшебным наваждением, то ли звезды представляли собой очередную иллюзию Легендо, которая всех обманула.

Игра началась всего несколько минут назад, а Телла уже задается вопросом, что реально, а что нет.

Она оглянулась на воду, снова высматривая своего друга или лодку, на которой могла бы добраться до замка, но, похоже, к крепости вел только один путь – узкий арочный мост, сложенный из ромбовидных камней, образующих причудливый узор.

– Что – жениха своего потеряла? – насмешливо поинтересовался Данте.

– Осторожнее, – предупредила Телла, – ты, кажется, ревнуешь.

– Одумайся! – воскликнул он в ответ. – Это твой последний шанс отказаться. Хозяин не любит облегчать людям вход и выход.

– Вот и хорошо. А я люблю, когда мне бросают вызов.

– Кажется, у нас наконец-то нашлось что-то общее. – Данте положил руку Теллы на твердый сгиб своего локтя, как будто молча принимая ее подзадоривание.

– Мне казалось, тебе не по душе являться на праздник с одной и той же девушкой дважды, – поддразнила она, смело глядя ему в глаза.

Угольно-темный взгляд Данте вспыхнул порочным светом. Склонившись к Телле и коснувшись теплыми губами ее волос, на что ее предательское тело не замедлило отреагировать, он произнес:

– Я делаю все, что требуется от меня по работе.

Вот ведь дерзкий ведьмин сын!

Телле бы следовало отстраниться, но вблизи мост был еще уже, чем казался издалека, и без каких-либо перил или ограждений – в точности как балкон, с

которого она спрыгнула во время прошлого Караваля. Падение, закончившееся ее смертью.

Она крепче вцепилась пальцами в руку Данте и понадеялась, что он сочтет этот жест частью затеянной ими игры. Что не заметит затаенного ужаса, когда она задаст ему вопрос, чтобы отвлечься, прежде чем ноги откажутся нести ее, а легкие – питать кислородом.

– Так чего же Легендо хочет от меня сейчас?

– Не могу тебе сказать.

– Ответь хотя бы, поручил ли он тебе следить за мной?

– Он, конечно, мог бы, но я ничего не утверждаю. Возможно, тогда в карете ты была права, и я просто хочу провести с тобой вечер. Подозреваю, что ты солгала своей сестре о наших поцелуях в лесу, и планирую это доказать.

Данте одарил Теллу такой развратной и опустошающей улыбкой, что даже мост под ногами покачнулся. Однако ей нельзя показывать ему свою слабость. Слишком многое поставлено на карту сегодня вечером, а она уже подарила ему один поцелуй.

– Даже если бы я решила тебе поверить, мне пришлось бы напомнить тебе, что у меня есть жених, и я не хочу его обманывать.

При слове «жених» широкая улыбка Данте тут же погасла. Телла ухмыльнулась и похлопала его по руке, собираясь, наконец, отстраниться, когда они достигли вершины моста.

Святые угодники! У нее перехватило дыхание, как у пойманной в силки птицы. Мост сделался еще уже, и она готова была поклясться, что они поднялись на головокружительную высоту. Из-за отсутствия перил, сетки или иной страховки она могла с легкостью поскользнуться и сорваться вниз, и безжалостные воды рва с готовностью примут ее в объятия. Каждый следующий шаг давался Телле с большим трудом, чем предыдущий, поскольку от увиденного кружилась голова и подступала слабость.

Показалось ли ей, или освещающие замок Идиллуайлд факелы вдруг стали вонять серой, как будто сама смерть решила разжечь их пламя, в очередной раз напоминая о том, что она всегда наблюдает и выжидает удобной возможности снова прибрать ее к рукам – на этот раз навсегда?

– Не думай об этом, – посоветовал Данте.

– Я вовсе не собираюсь прыгать, – отмахнулась Телла.

– Я не это имел в виду. – Он приблизил губы к ее уху. – Я умирал бесчисленное множество раз и всегда боялся, что не воскресну – пока не узнал, что смерть подпитывается страхом точно так же, как надежды и мечты придают Легендо сил во время Караваля.

– Смерти я не боюсь, – отозвалась Телла, но, едва слова слетели с губ, она посмотрела вниз и еще крепче вцепилась в Данте.

Он в ответ похлопал ее по руке, насмешливо и снисходительно. Но Телла не собиралась позволять ему выиграть в затеянном ими состязании.

– Просто мне не по душе клетки, – сказала она, – а это место похоже на гигантскую темницу.

Данте в ответ едва слышно рассмеялся, что разительно отличалось от проявления веселости, выказанной им раньше в карете. Телла не была уверена почему, но подозревала, что узнает причину, как только они окажутся на балу.

Глава 12

Телла думала, что знает, чего ожидать от нахождения в замке Идиллуайлд.

Она уже принимала участие в Каравале – более того, в прошлой игре задача в том и заключалась, чтобы ее отыскать. На словах звучало захватывающе, но на самом деле Телла была вынуждена большую часть времени сидеть в башне, точно пойманная в ловушку принцесса, в ожидании, когда ее найдут. Изредка

она ускользала прочь из заточения. Однако скрываться в тени и наблюдать украдкой за игрой других участников, включая и собственную сестру, было совсем не так весело, как лично войти в таинственный мир Легендо, раствориться в нем без остатка.

Но сейчас Телла не собиралась позволять Каравалю вскружить себе голову. Перевалило за полночь, и ей нужно найти своего таинственного друга до того, как он уйдет. Но, по мере продвижения вглубь замка, ей с каждым шагом становилось все труднее напоминать себе, с какой целью она сюда явилась. Хотелось просто наслаждаться игрой.

В воздухе было разлито ощущение волшебства, напоминающее одновременно и засахаренные крылья бабочки, запутавшейся в сладких нитях паутины, и приносящие удачу пьянящие персики.

Она в очередной раз задумалась, так ли уж плох на самом деле наследник Элантины. Возможно, ужасными были только слухи о нем, поскольку распускались людьми, завидующими его положению. Устроенный им бал оказался полностью в ее вкусе – она и сама организовала бы подобное торжество, хотя понятия не имела, говорит ли это что-то о ней самой или о ее хозяине.

Она продолжала сжимать в кулаке монету невезения, надеясь, что ее друг еще не ушел. Разыскивая его, Телла не могла не заметить, что повсюду кипит бурная деятельность.

Если смотреть со стороны арочного входа в большой бальный зал, можно с легкостью вообразить, что одна из Мойр вернулась к жизни во вспышках ярких цветов и перьев. Зверинец – это еще одна карта из Колоды Судьбы, которая символизировала начало новой истории или приключения.

Свисающие с потолка женщины и мужчины с покрытыми перьями телами и увенчанными крошечными изогнутыми рожками головами кружились и вращались на толстых канатах золотого или пурпурного шелка, похожих на гигантские праздничные ленты. По залу бродили и ползали исполнители в костюмах из меха, еще большего количества перьев и нанесенной на кожу краски, точно сбежавшие из преисподней дикие химеры. Телла видела артистов, одетых в костюмы тигров с драконьими крыльями, лошадей с раздвоенными

хвостами, змей с львиными гривами и волков с бараньими рогами, которые рычали, кусали и иногда лизали гостям пятки. На низких балконах обнаженные по пояс мужчины с крыльями, как у ангелов, качали хохочущих людей на качелях, установленных на навесах из шипов и цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/garber_stefani/legendo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить